

ПРОИЗВОДНЫЕ СМЕРТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЭМИН САДЫГОВ

18+

Эмин Садыгов

Производные смерти

«Автор»

2026

Садыгов Э.

Производные смерти / Э. Садыгов — «Автор», 2026

Жизнь — истории, что мы рассказываем сами себе. Это история о Тихоне, который больше не планировал никого впускать в свою жизнь. У него был план: страдать, пить и изредка рисовать. Всё пошло не по плану, когда в его мастерскую судьбы влетела француженка с острым языком и стаканчиком кофе. Эдит тоже не планировала ни во что влюбляться. Она вообще приехала в Москву не за этим. Но жизнь имеет специфическое чувство юмора. И когда двое людей, знающих о смерти больше, чем сто́ит, сталкиваются друг с другом, начинается другая история — не о спасении, но о выборе, определившем не только производную смерти, но и всей жизни. Но эта история совсем не о любви...

© Садыгов Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Предупреждение	6
Предисловие	8
Первое мгновенье	11
Второе мгновенье	16
Третье мгновенье	18
Четвёртое мгновенье	22
Пятое мгновенье	25
Шестое мгновенье	29
Седьмое мгновенье	31
Восьмое мгновенье	34
Девятое мгновенье	41
Десятое мгновенье	53
Одиннадцатое мгновенье	61
Двенадцатое мгновенье	76
Тринадцатое мгновенье	80
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Эмин Садыгов
Производные смерти

Глава

Предупреждение

18+

Все совпадения с реально существующими людьми и происходящими событиями случайны. Мнения, высказывания и поступки персонажей являются частью художественного замысла и не отражают точку зрения автора.

Действие цикла произведений «Производные смерти» / «Производные любви» / «Производные жизни» происходит в вымышленном мире и является художественным вымыслом автора.

В тексте присутствуют сцены курения, употребления алкоголя и упоминание наркотических веществ, а также описания жестокости и сцен насилия, не являющихся пропагандой таковых.

Все религиозные образы, атрибуты и высказывания, использованные в произведении, являются частью художественного замысла, не преследуют цели оскорбить чувства верующих и не направлены на пропаганду неуважения к какой-либо религии.

В материале могут упоминаться лица и организации, признанные иностранными агентами, а также социальные сети, запрещённые на территории РФ. Данные упоминания являются исключительно частью художественного повествования и не направлены на пропаганду либо распространение информации указанных лиц, организаций и платформ.

© Эмин Садыгов, 2026

Это сова

Предисловие

Я слышу прорывающиеся сквозь сознание голоса. Снова и снова. Пока эхом доносящиеся, но самые страшные, что слышала в своей жизни, и самые дружелюбные, мягкие — те, которым можно довериться в чём угодно.

Не могу дотянуться до лица, чтобы вытереть нос, из которого медленно вытекает кровь. Она мешает мне отдышаться или хотя бы сделать даже небольшой вдох.

Белая сорочка уже давно перестала быть белой, а сейчас больше похожа на тряпку или холст любителя художника-абстракциониста, для которого любая клякса имеет чуть ли не сакральный смысл.

Мне больно. Очень больно. Рубашку, прилипшую к телу, пропитанной потом, кровью, мочой и слезами, — хотелось разорвать, лишь бы не чувствовать на себе ничего, предпочитая остаться голой.

Честь и уважение к своему телу перестали иметь значение, стоило мне переступить порог учреждения, в котором «лечат» душу.

Если бы я только могла двигать руками... Или ногами, туловищем, головой — да чем угодно.

Если бы я могла закрыть глаза... Может, было бы легче.

Но пока я привязана к какому-то пыточному креслу. Наречь его чем-то иным язык не поворачивается.

Мало того, кроме этого кресла и опутавших его проводов, подключённых к разным частям тела, в этой поганой зеркальной комнате ничего не было.

Думаю, так сходят с ума и теряют рассудок даже самые стойкие духом люди.

— Детка, ты слышишь меня? — уже отчётливо прорвался до меня знакомый мягкий голос, убавив самую неочевидную музыку, что могла играть на фоне.

И зачем-то.

Ответить я всё ещё не могла как минимум из-за крови во рту. Прокусила язык или щёку, которых тоже давно не чувствую. Зато голова готова была расколоться на мелкие кусочки.

Взгляд не мог сфокусироваться ни на чём из-за слёз, что не смахнуть; и вдохнуть по причине той же крови, только из носа.

Я не могла ничего, кроме постукивания пальцами.

В катакомбном подземелье, где должны, скорее, прятать монстров, а не проводить медицинские процедуры на ком-либо из этого мира живых существ, тяжело отворилась дверь и в комнату зашёл едва различимый моим взглядом человек-белый халат, что протянул передо мной пустую миску, куда я, наконец, смогла выплюнуть скопившуюся кровь, после чего тот начал протирать моё лицо, вытащил капу, прочистив ту и вернув обратно в рот после того, как дал высморкаться, и стакан воды, который я осушила залпом.

Он удалился так же быстро, как и появился передо мной, после чего дверь со щелчком захлопнулась, и я снова погрузилась в тишину.

Зловещую и давящую на меня со всех сторон.

Ещё и эти зеркала, где невозможно было спрятать взгляд от того, что в них отражалось.

Я. В них отражалась я.

И на такую себя я не могла не то, что смотреть, но даже мельком ухватиться за силуэт в отражении.

— Лучше? — спросил мой невидимый мучитель. Хотя, скорее всего, себя он считал целителем. Только вот, почему он говорит на английском? Неужели у нас в стране не нашлось нужных специалистов?

Мне почему-то хотелось, чтобы он тоже был французом. А то вечно эти англичане лезут, куда не просят и не лезут, когда речь идёт о жизни и смерти.

— Это Вы так шутите? — не поверила я своим ушам, услышав, лучше ли мне.

— Понимаю, как это может выглядеть, — сочувственным, но несколько не обнадёживающим был его уставший выдох.

— Вы англичанин? — решила я отвлечься и затянуть время до следующего подхода. Но ни к одному из них я не буду готова никогда.

— Да, — признался он. — Но думаю, ты ненавидишь меня не из-за этого.

— Какое отношение мне испытывать к боли? Благодарность? Вы понимаете, что единственная... кхм, — откашлялась я. — Единственная моя надежда сейчас — сдохнуть в этом поганом, вонючем кресле? — разрыдалась я снова.

— Я знаю, детка.

— Что вы знаете? За что? — я не могла повысить голос, но казалось, будто я кричала сквозь снова накатившую волну эмоций и слёз, застилающую глаза. — Вы же пытаете меня!

— Я знаю, как это выглядит, — уточнил он. — Поверь мне, никакого удовольствия я не испытываю — стоять и смотреть на твою агонию боли...

— За что? — не унималась я и сильнее забила в своей беспомощности.

— Лучшего не изобрели, — спокойно объяснял он. — Пока что — это самый эффективный метод, что доступен людям, я уже говорил. От классического ЭСТ¹ толку мало, если он вообще есть...

— Да вы же убиваете меня!

— Нет, мы убираем то, что мешает душе и телу жить. Тебе никто не позволит здесь умереть.

— Почему же вы прячетесь там?

— Я могу не прятаться, — невозмутимо откликнулся тот. — Могу побыть и постоять рядом, но этим сделаю хуже, когда ты выйдешь из этих стен с ещё одной травмой и недоверием ко всем людям, что пытаются тебе помочь, — меня выводил из себя его ровный, и даже беспечный голос, словно мы на лекции с нерадивыми школьниками, которым необходимо рассоливать буквально каждое слово.

— Ага, легко тебе говорить стоя за стеклом!

— Да, легко, — ладно, этот ответ застал меня врасплох. — Но не думай, что в тебе я не вижу, например, своего ребёнка или любого другого человека, которого не то, что нужно, — а необходимо провести через все круги Аида, чтобы жить стало легче и лучше... Или хотя бы попытаться...

— Не станет, ты не можешь этого знать! Месье доктор! Я либо сдохну, либо выйду с выжженными мозгами!

— Этого не будет. Станет намного лучше, даже если ты сама не веришь, — что неудивительно, конечно, и имеешь на то полное право, но, пока мы живы — всегда есть шанс, а здесь, к тому же, доказательный, а не потому, что мне льстит роль и образ «безумного доктора», пытающего беззащитных девочек.

Отчаяние пробрало каждую клетку души — неизменно приходящей и оставляющей след в моментах, где я не принадлежу сама себе — лишь веянию жизни.

— Мама... — взмолилась я, чуть громче шёпота. — Я хочу домой... очень хочу домой.

— Нам нужно продолжить, дорогая, — безжалостно сухо распорядился он. — Но ты выйдешь отсюда сегодня, завтра, и каждый раз после всех процедур. Тебя здесь не оставят даже на ночь. Послушай... ты будешь жить лучше, чем можешь себе сейчас представить, потому

¹ Электросудорожная терапия (ЭСТ). В медицине это метод лечения тяжелых психических расстройств, при котором через мозг пациента пропускаются кратковременные электрические импульсы для вызова контролируемого судорожного припадка.

что сидеть в этом допотопном кресле и комнате из фильма ужасов — значит выбрать жизнь, а не то, с чем тебя к нам привели.

Я слышала его вздох, напрягшись всем телом, где ни единого звука не могло добраться до меня.

— Прости меня. Продолжим.

И перед тем, как он начал зачитывать продолжение своего текста, вместе с вновь нарастающим током, что вынуждал болеть даже кости; с лампочками, начавшим своё световое шоу напротив меня; с кровью, что снова начала течь из носа; со слезами и моим безмолвным зовом к папе и маме — пришла одна мысль — которой здесь не место, но, может, станет каким-никаким утешением, пока собственные крики не начнут перекрывать мой внутренний голос.

Сегодня — пятница. И мне исполнилось пятнадцать лет.

Первое мгновенье

Москва. Тихий и мирный угол на юго-западе города, между раскинувшимися парками и одной из ветвей столичной реки. Не той, что на открытках, а другой, — незаметной, может, и забытой. Приличный район, не лучше и не хуже других в чертах города.

Может... Нет, всё-таки есть куда хуже, и куда лучше места, где не то, что жить не хочется, но и мимо стараешься не проезжать.

Влажный после дождя вечер поздней осени. Пасмурно. Атмосфера, как из классической прозы: разноцветные листья после ливня, влажный асфальт, по которому шепчет холодный ветер.

Я обмяк в кресле после проделанной работы. В одной руке — сигарета, в другой — вино. Курю, не отводя взгляда от стены, прожигая её пустым и тяжёлым взглядом. Только проигрыватель с винилом «*Led Zeppelin*» с песней «*D'yer Mak'er*» тихо и мелодично напоминал, что жизнь в квартире ещё теплится.

Я не то, чтобы затворник, как может показаться, наблюдая за мной со стороны. Всего лишь человек — один из тех, кого много даже в пределах одного подъезда — одинокий, сдавший и смирившийся с ураганом жизни, отбросившей меня очень далеко от пути, что пытался проложить себе сам.

Докуривая и допивая содержимое, я бессильно отрываюсь от кресла и медленным шагом перехожу на кухню, неся в руках разбросанный вокруг меня мусор. Утрамбовав в ведро расходники, вымыл руки и решил, что уже пора и ко сну.

Матильда незаметно и ловко юркнула между моих ног, в попытках обратить на себя внимание. Беря её на руки, чувствую её беспокойный и даже осуждающий взгляд. Сказать в утешение мне нечего, поэтому безучастно глажу её макушку и причмокиваю её в мордочку.

Как и весь последний год-полтора — засыпаю я практически моментально. Да и сон ли это, когда бесчувственно теряешь сознание, даже несмотря на пушистое тёмное облачко рядом, сглаживающее одиночество, но не избавляющее, а иногда и усиливающее его, особенно учитывая... обстоятельства её напоминания о том, что не забудется и не развеется в душе никогда. Матильда лишь мирно посапывает на другой стороне кровати, как и всегда, словно сторожа, пока благополучно не окажусь в объятиях Морфея.

Стыдно за то, что не мог быть и стать для неё настоящим и лучшим родителем. Но скоро всё закончится. Скоро её приютят другие, лучшие, чем мои, руки.

Вот и утро. Такое же, как и всегда: безликое, серое и пустое.

Не раннее и не позднее — в час дня.

Проснулся в том же состоянии, что и засыпал. Тоже — как и всегда.

И так уже довольно давно. Не помню, когда было иначе.

Утро, день, вечер и будни под знаменем «надо»: надо подняться, надо покормить себя и девочку, надо придерживаться распорядка и структуры.

Надо.

Надо.

Надо.

Во всём — во всей жизни.

Обязательную рутину я пережил и по-тихому ретировался из четырёх стен: сначала на студию. Я не помню, как и с чем обращались ко мне девочки. Аня всё переживает о своей безутешной любви к тому, кто...

Даже не помню, что. Потом — безуспешно попробовал перекусить, после — почему бы не пройтись, как и всегда, километров двадцать, а затем — почему бы не пробежаться по книжным и прочим закуткам, до куда не доходит нога капризного москвича, может, приглянется

что-нибудь. Да и на катамаране неплохо было бы прокатиться, в кои-то веки, пока не закроется навигация, а там и основательный перекур, где-нибудь на смотровой скамейке.

Ну, не беря в расчёт, что практически каждое действие сопровождается сигаретой в руках.

Случайный бар, в который я зашёл за горячительным.

За стойкой разлили в стакан на вынос какой-то напиток. В первый раз такое вижу, Барон бы живого места не оставил на том, кто додумается до подобной просьбы в стенах «Провидения»:

— Коктейли навывнос? Это что за пиздец? — не сдержался я, обращаюсь к бармену. Вот он, я — человек культуры, вынужденный принять реальность современного мира, за которым перестал успевать.

— На случай, если мест не окажется, а выпить захочется, — безынтересно ответил наливающий.

— А что, если человек попросит стопку виски — ему подадут в стаканчике из-под эспрессо?

— Да похуй, мужик, — отрезал тот и принялся обслуживать следующего, желающего скрасить вечер.

А я вышел и занял приглянувшуюся скамейку неподалёку. Так и сидел: курил, пил и безучастно смотрел вдаль.

Давно не обращаю внимания и не чувствую, когда меня начинают охватывать эмоции. Сейчас — не исключение.

Доходило до абсурда, когда, идя по улице, прохожие останавливали и интересовались, всё ли со мной в порядке.

Не понимая, о чём идёт речь, и с недоумённым выражением лица, поначалу я задумывался над возникшими вопросами, но, не дожидаясь ответа, люди подносили пальцы к своим векам, мол, слёзы текут.

Неловко, конечно, но, спустя время, уже не останавливаясь и не слушая, я начал озвучивать одну и ту же заученную фразу: «Всё в порядке, организм такой».

Вот и входная дверь квартиры. Захотелось постоять минуту-другую и подумать о своём, замерев в моменте. Бывало и такое, словно нужно было настроить и переключить состояние с одного на другое, не беспокоя лишний раз Матильду.

Оставив порог позади, вчерашний, позавчерашний и все прошлые вечера повторились вновь. Как и всегда: погладить, обнять и накормить, достать вино, доделать работу, запивая и закуривая мысли, созидать ни о чём в кресле, пялясь в одну точку, слушая на фоне песню из неизменной коллекции пластинок; невидимо для себя дать волю чувствам — и отойти ко сну.

Утро. Новый день, который закончится иначе. Снова без отличий от предыдущих, но, ко мне будто снова вернулись силы.

Явно неспроста.

Но пока что — это просто день, которых много. Те, что не откладываются в памяти и не определяют жизнь — лишь напоминая о её бессмысленности.

Но не в этот раз.

Этот день — станет олицетворением, кульминацией пути, где его распытие определит будущее.

Скамейку и место созидания в этот раз я выбрал другие. Достав телефон, непривычно медленно и расслабленно, но с жадным, ненасытным вниманием я просматривал фотографии, словно в последний раз. Ведь память — это единственное место, где существует то, что утеряно нами навсегда.

В этот раз свой навзрыд я заметил. Пришёл он, как и всегда — неожиданно, но впервые за долгое время, почувствовал его подступ.

Как и не заметил я того, что всё время слушал музыку в наушниках. Что сопровождала меня всегда и дни напролёт: между стенами и улицами города. Между собой и миром. Между настоящим и прошлым, где та или иная песня закрепляла за собой момент, в который я смогу вернуться хотя бы мелодией музыки.

Смеркалось, домой бы. Не хотелось предаваться сантиментам больше нужного в такое мгновение. Мгновение длиною в жизнь, провожая закат или... что люди себе придумывают для вымученной благодарности и наслаждения каждому дню, определяющемуся в мелочах.

Довольно подло принижать сопровождающие нас невзгоды, превознося то небольшое хорошее, что может произойти, по большей части, без твоего участия.

Думаю, настроение каждого зависит от настроения самой жизни и мира вокруг.

Ведь, предпочитая не соприкасаться со всем, что происходит с тобой — хорошим и плохим — в тебе меньше остаётся самого себя.

Время пришло — пора в путь.

Убираться было незачем. Всё выглядело вполне себе опрятно.

Матильда. Я позаботился, чтобы её забрали отсюда, но не знаю, сколько времени пройдёт, когда хватятся за неё и за меня, поэтому и пополнил все миски до краёв.

С собой её я взять не могу.

Она мяукнула, стоило мне переступить порог квартиры и начать сборы. Жалобно, но громко мяукала, призывая обратить на неё внимание. Я и обращаю, клубочек, и знаю, что ты чувствуешь, но мне... нужно происходящее сейчас не менее важно, чтобы насладиться прощальным мгновением с тобой.

Но оно придёт, обещаю. И я запомню его навсегда. Ненавижу себя за то, что она не оставляет попыток прильнуть своим пушистым телом к моим ногам или скрести лапками по воздуху.

А я продолжал, словно загипнотизированный, упаковывать чемоданы.

Проверив, вся ли работа была доведена до конца, закрыты ли и отправлены по адресам все проекты, расстановку в доме, да и, в целом, всё ли готово к тому, чтобы какое-то время побыть нетронутым, мне захотелось принять душ.

Горячий, обжигающий, что смывает не только грязь с тела, но и все грехи с души. Основательно подошёл и к этому вопросу: методично, не спеша, блаженствуя обволакивающим всю ванную паром.

Даже побрился везде, до куда доходили глаза, руки — от приличных до личных границ.

Когда всё было готово, я вновь развалился в кресле, в этот раз — в компании бутылки с настойкой и сигаретами, безразлично изучая формы мольберта и развешанных за ним картин на стене. Одна из них — тоже причина моей безутешной боли... Которую я так и не смог ни унять, ни пережить, ни смириться.

Мне слишком часто говорили, что я не умею отпускать. Видимо, в конце концов, в это я поверил и сам.

... Нужно было подняться за таблетницей, что носил с собой, а только пригрел место.

Думаю, сегодня вполне себе веский повод запить лекарства не водой, по-человечески, а алкоголем.

Непонятно зачем. Но, может, и снизойдёт какое-то откровение на глупую и безрассудную голову.

Я даже знаю, какое именно мне нужно сейчас откровение.

Я... Ничего не чувствовал: ни слёз, ни грусти, ни боли, ни чувства, что совершаю худшую ошибку в своей жизни — лишь решение, которому я сдался целиком и полностью.

Бутылка почти опустела, но я не напился.

Была ещё одна, последняя... Другим она не понадобится, так что...

Заметил, что всё время, пока я жалел себя, расплывшись в кресле, на меня, неслышно и невидимо, боясь совершить лишнее движение, смотрела Матильда.

Не могу посмотреть в её круглые глазки, но... почудилось, будто она плачет и всхлипывает.

«С ней всё будет хорошо, лучше, чем со мной», — утешал я в малодушии себя.

Взяв бутылку и уйдя в мимолётное принятие возникшей мысли, я решил — пора.

Захватив по пути обратно в комнату строительные плёнки, отодвинув собранные чемоданы, попутно отключив оставшиеся электронные приборы, убедился, что закрыл дверь на замок, кинул пожитки на пол и направился к Матильде.

К своей душеньке, к своей доченьке, которой достался такой никчёмный хозя... Родитель, у которого лучший ребёнок, которого и пожелать не мог даже в самых смелых мечтах.

Я присел бабочкой напротив неё и, осторожно поглаживая, в желании не причинить ей боль, крайне неубедительно пытался сдерживать эмоции, обращаясь к ней:

— У тебя всё будет хорошо, клубочек, обязательно. Про тебя не забудут и вернутся, — всхлипнул я. — Ты можешь не прощать меня, можешь ненавидеть и злиться — имеешь полное право, я понимаю, ведь... В твоих глазах — я стану предателем.

Я взял её на руки, крепко стиснул в объятиях и поцеловал её в макушку и мордочку, вдыхая её душистый и пушистый запах.

Момент — и я сделал, что должно, выставив её за пределы комнаты и закрыв перед ней дверь.

Клубочек истошно начала завывать и скрести лапами дверь.

Я не могу, Матильда.

Прости.

Всё давно готово, и всё, что нужно — было в этой комнате, в ожидании моего решения.

Достав из комода фотографию в рамке, я протёр её от изрядно накопившейся пыли, ведь лежала она нетронутой практически год, и положил её на полку. На уровень глаз.

Так, теперь — нужно расстелить плёнки.

Я начал думать над местом и общим количеством, чтобы ни в чём не прогадать...

Да, ближе к окну им самое место.

Взглянул на фотографию. Странное ощущение, словно видел её в первый раз, так и поглядывал на неё, между делом, будто она... Пыталась мне о чём-то сказать, обращаясь немymi словами.

Я ухмыльнулся, а может, это была и улыбка.

Улыбка, спустя столько времени. Только вот слёзы я так и не научился вовремя распознавать, а, точнее, не вспомнил, как это удавалось в... другой жизни.

Надо меньше пить.

Закончив, я окинул взглядом результат своего труда:

— Пойдёт, наверное, — оценил я неуверенно вслух.

Закурить — дело крайне необходимое, после всех подвигов спины и коленей, сгибая и распрямляя их до хруста суставов больше, чем за последние лет пять.

И вот, моё внимание снова на фотографии. Я и не заметил, как плюхнулся в кресло, не отводя от неё глаз, чередуя глоток оставшегося алкоголя между потягиванием сигареты.

И уже полноценно улыбнулся, самой широкой и освобождающей в своей жизни улыбкой.

Из коридора донеслись звуки глухого удара, падения и... голосов?

... Это не симптом «белой горячки» меня одолел?

Надо меньше пить...

Скинув окурки в пустую бутылку, я поставил потенциальный экспонат современного искусства под одну из ножек кресла и, по негласной традиции, утверждённой мною же, выта-

щил пластинку, наверное, с одной из самых важных песен, что сопровождала жизнь в определённый, и даже в решающий её момент.

Ничем не примечательна ни в звуковом, ни в лирическом, ни в культурном выражении. Впрочем, что есть вкус, если не предпочтения души для условий её выживания и развития.

В моей же системе ценностей — песня, да и вся предпочитаемая музыка, была тем, что придавала сил и вела за собой новые мотивы и ритм к самой жизни.

Запустив проигрыватель и поставив пластинку, я настроил её на нужную позицию.

Скрежет дал понять, что всё настроено, как нужно.

Медленно стягивая с себя одежду и, наконец, оставшись в одном белье, я замер — заиграла песня от «*Kid Cudi, Ceelo Green*» — «*Scott Mescudi Vs. The World*».

Аккуратно сложив вещи на кресло при первых аккордах, я взял баллончик со спреем со стола и хорошенько прошёлся содержимым по рукам.

Слова разливались по комнате из меня так, словно слушал и подпевал мелодии в последний раз.

Может, так оно и есть.

По крайней мере на сегодня.

Руки начали неметь, но сжать их я пока могу, как и схватить какой-либо предмет.

Всё это время, с первых нот, я не отрывал взгляда от фотографии. Не остановились и слёзы, на которые не обращаю внимания в принципе, как и на продолжающие завывания Матильды, отчаянно пытавшейся прорваться внутрь.

Есть только песня, неуверенный шаг по плёнкам, я и... заключительный, решительный жест — резкое и уверенное движение, выражающее исход всей жизни, на последнем куплете припева.

Рука была тверда и довела задуманное до конца.

Хоть и мгновенно ослабленная, но не подвела в нужный и решающий момент, когда пришло время для последнего взмаха сжатой ладони.

— Сделал, я... я сделал это, — с нарастающим шоком испустил я с придыханием весь воздух в лёгких. — Наконец-то! — окатило меня облегчением от томительного ожидания.

Плёнки начали омываться теменью, пока я аккуратно, словно сервизным действием, возвращал на стол всё, что больше не понадобится, продолжая подпевать песне.

Боли не было, только вот внезапная свалившаяся слабость нарастала всё сильнее.

Надо было допеть, надо было продолжать смотреть на фотографию.

— Петь, нужно... допеть, — молил я себя.

В глазах начало темнеть, но я должен продержаться в сознании настолько долго, насколько возможно — и начал отвешивать себе пощёчины. Никакого эффекта, кроме разбрызганной крови вокруг.

Зато *Её* подступ в этот раз не стал неожиданностью.

Сначала Она забрала правую ногу — и нога поддалась Её превосходству, пошатнув равновесие тела.

Она забрала левую ногу, и я больше не мог устоять на месте.

Тут же Она отняла руки, на которые я навзничь и упал.

Она начала отнимать и нарастающую боль, которую так и не успел ощутить в полной мере.

Она начала забирать то, что принадлежит ей по исходу времени.

Наконец, Она предстала в полном обличье, оставив тело издавать хрип голосом Её.

А я — всё не отводил взгляда от фотографии ни на миг.

Миг, длиною в жизнь...

Второе мгновение

- Шаурмы бы, — усталым голосом озвучила своё пожелание Маша.
- Я тебя поздравляю, но не от всей души, конечно, что у тебя вдруг проснулся аппетит, — небрежно и с одолжением отозвался Марк.
- Проявился, — поправила та его.
- А?
- Хрена с два. Есть говорю хочу.
- Можем заехать в «Дижон», Маш, дорогая, — и будет тебе шаурма, — подал голос с дальнего места Августин.
- Ты когда проснулся? — пробуждение старшего коллеги застало Марка врасплох.
- Когда услышал про еду, — широко зевнув, ответил тот.
- Как вы вообще можете думать сейчас о еде?..
- Привыкнешь, а потом вспомнишь, что сам ты — пока живой человек, которому нужна еда, чтобы делать то, что обязывает служба, — и потянулся следом старший фельдшер.
- Водитель молча свернул в сторону Дижона, к грузинскому кафе, которое, Бог весть почему, носит французское название.
- Подъехав к нему и остановившись рядом, водитель обратился к экипажу:
- Всем по большой и классической? — спросил с приглушённой усталостью басовитый шофёр.
- По большой и классической... чему? — искренне недоумевал Марк.
- Писюну. Шаурму ведь просили.
- Это Маша просила, а не... — с выражением восстанавливал тот последовательность.
- Господи... — недовольно выдохнул Лёня. — Тебе заняться нечем, как на ночь глядя мозги всем вокруг полоскать?
- Да я напряжение сбавить, чего вы такие ершистые?.. — начал было Марк.
- Ты его приумножаешь, Машу приплетаешь... — ответил угрюмый водитель. — Ты... ты ещё слово «ершистый» вспомнил, мать твою.
- Да ничего подобного! Я ведь любя и исключительно разбавить обстановку. Поднять настроение — ничего не стоит, — сохранял Марк оптимизм, расплываясь в широком жесте своего благородства.
- Заткнуться тоже стоит бесплатно, — закончил разговор водитель, хлопнувший дверь и оставив смущённую, но ухмыляющуюся друг другу парочку наедине.
- Не считая Августина, снова мирно посапывавшего в углу.
- Вернувшись и передав всем съестное, отряд молча и не без наслаждения уплетал импровизированный ужин... или завтрак, в зависимости от восприятия ими времени суток.
- Прошло несколько секунд, прежде чем до Августина дошёл голос Марка.
- Да, в чём дело? — спросил фельдшер, не пришедший за секунду в себя после дрёма.
- Вызов, что-то произошло на одной из квартир рядом, — отозвался Марк с набитым ртом, пытавшийся пережевать внушительный кусок шаурмы. — Ну что за люди, подождали бы минут... десять, не знаю — доели бы хоть по-человечески. Мы же всё равно в паре минутах отсюда.
- Дамы и господа — врачи нового поколения, — с деканской манерной экспрессией представил своих коллег невидимому миру Августин.
- Ну, будет тебе, — отступил Марк. — В нашем случае, здоровый цинизм — это служебная необходимость, а не издёвка... Иначе мы все окажемся на месте того трупа.
- Мы не можем знать наверняка абсолютно ничего, пока не увидим своими глазами... Дай кусну, — не успела закончить предложение Мария, как потянулась к Марку.

— Эй! У тебя же своя есть!

— Спасибо, ты золото... когда не зануда, — подмигнула она, игнорируя его недовольство.

Тот улыбнулся, приняв сомнительный комплимент, а карета тем временем уже подъехала к месту назначения.

Третье мгновение

Матильда

Почему папа закрыл передо мной дверь? Я его чем-то обидела? Он меня больше не любит?

Но он говорил, что всё будет хорошо, и я знаю, что ему больно.

Я пыталась всеми возможными способами, пыталась достучаться до папы, которому нужна помощь, который не может жить без мамы.

И даже не хочет...

Я понимаю, что он меня больше не слышит. Нужно посмотреть вокруг, найти тот огонёк, на который папа нажимал, чтобы с кем-то поговорить... Может, ему нужно поговорить с человеком.

Но если у меня получится допрыгнуть, то как меня поймёт хоть кто-нибудь с той стороны?

Вот она, эта штука на полке! Прыгать высоко, но я должна помочь папе не лишиться себя боли, в которой он сейчас живёт.

Мне тоже больно, но я знаю, что она пройдёт и станет легче.

Я знаю.

Нужно, чтобы кто-нибудь сказал об этом и Тихону.

Я приняла стойку и... прыжок!

Ай!

Макушкой ударилась о... А, здесь был выступ. Не заметила.

Как же больно...

Но папе больнее. Папе нужно помочь.

Вот место, где горел огонёк, но нужно было на что-то нажать.

На что же он с мамой нажимал?

Нужно было найти ту кнопку, которую нажимали папа и мама во время звонка.

Но из штуки должен исходить свет, но его не было.

Лампочка не светилась, папа, видимо, выключил её, но я должна...

Я обернулась на дверь, за которой был Тихон. Чувствую, как он плачет, как он вспотел, как шуршит его одежда, которую он с себя снимает.

Я не могу быть сейчас глупой, наглой или высокомерной, пока он не сделал что-то плохое, а я чувствую его намерения.

Нужно продолжать кричать. Он ведь не оставит меня в слезах и в страхе?..

Он ведь не оставит меня одну...

Так, кнопка. Нужно нажимать на кнопки — и штука заработает.

Удар.

Ещё удар.

И...

Есть! Какая-то из них и включила штуку.

Я... не запомнила её название, только интонацию, когда кто-то из родителей просил ответить...

У соседей пахнет жареным мясом и овощами...

Не время думать о еде, Матильда!

Так, помню, что огонёк должен менять цвет — и штука будет работать.

Я снова ударила лапой по нему — и ничего.

Ещё раз.

Ну давай же, пожалуйста! Папа на себя чем-то брызнул...

Что это?

Нельзя отвлекаться, нельзя.

Штука начала издавать звуки...

Гудок!

Нет, во множественном числе...

Гудоки! Гудки?.. Гадюки?

Не помню, как правильно, помню только интонации.

Один гудок.

Второй.

Третий.

Четвёртый...

— Ало, Тихон? Всё в поря?.. — я знаю этот голос! Это бабушка!

Нужно кричать.

Нужно очень громко кричать!

Услышь меня, бабушка, пожалуйста!

Папе нужна помощь!

— Матильда? Ты чего? Что-то не так?

Из комнаты начала доноситься музыка.

Мне нельзя прекращать кричать!

И бабушка поняла:

— Как ты вообще додумалась?.. Тихон? — при упоминании имени папы, я попыталась воспроизвести звук, который используют люди, когда двигают верх-вниз головой. — Я поняла! Сейчас... Сейчас позвоню кому-нибудь, и мы тоже приедем! Держись, пирожочек!

Голос перестал говорить, но бабушка сказала, что всё поняла, но...

Дверь.

Спрыгнув с тумбочки в коридоре, я посмотрела на входную дверь. Оттуда пронеслось лёгкое дуновение, словно...

Дверь. Папа не проверил дверь — она была открыта!

Бабушка сказала, что скоро будет.

Скоро будет.

Мне нужно было только дождаться...

Папа сделал себе больно...

Прошло много времени, для меня, между звонком и ожиданием помощи.

За дверью что-то...

Шаги!

И вот, в дверь постучали. Нужно кричать, чтобы они знали, что мы здесь!

Мария

За дверью, что оказалась открыта, громко кричала кошка, и мы все быстро зашли внутрь.

Пушистое тёмное облачко подбежало встречать нас так резво, и так быстро умчалось к межкомнатной двери, чтобы начать скрести её, словно указывая нам направление.

Какая умница.

Распахнув её, мы все одновременно вскрикнули:

— Господи...

— Какого?..

— Охуеть.

Наши голоса утонули в музыке, что доносилась с винилового проигрывателя.

Картина, открывающаяся перед нами, была на редкость впечатляющей и художественной одновременно, словно попали на выставку концептуального абстракционизма, где одна половина комнаты выглядела, в целом, как обычно, другая же, покрытая плёнками — практически полностью залита кровью с лежащим телом посреди всей инсталляции.

Мы тут же пересекли комнату, несмотря на ситуацию, куда нас занёс долг службы, и сохраняли стойкость и внимание на человеке, раскинувшегося в луже собственной крови.

Обязаны были сохранять спокойствие и уверенность в своих действиях.

— Он... он вроде дышит, — неуверенно начала я, пытаюсь разглядеть тело в деталях.

— Быть не может, посмотри, сколько крови потерял...

— Дышит! — удостоверилась я точно. — Но без сознания! Кровь, нужно остановить кровь!

— Везунчик, — отметил Марк. — Или не очень, если рассчитывал подохнуть, — добавил он.

— Не сейчас, внимание! — прервал полемику Август. — Марк — за руки и обрабатываем, Маша — давление!

Марк был уже у колен Тихона, зажимая артерии, выше запястий, пока Августин протягивал ему жгуты.

— Жгуты. Давление?

— Сто на шестьдесят. Нитевидный, — быстро отрапортовала я, устанавливая капельницу.

Старший фельдшер острым и профессиональным взглядом коротко осматривал раны, снова перебирал аптечку:

— Ставлю Рингер. Нужно его стабилизировать! Держи руки, Марк! — распорядился он.

— Держу. Он обработан!

— Давление?

— Стабильно! — ответила я.

— Поднимаем. Остальное — в машине.

Мы всё сделали и зафиксировали меньше, чем за минуту.

— Выносим его, — направлял Август. — Только осторожно...

— Нельзя так оставлять квартиру, дайте минуту... А что делать с кошкой? — вспомнила я о ней. — Мы не можем её так оставить...

— Нас кто-то вызвал по этому адресу и не думаю, что это был наш клиент. Скорее всего, они знают о том, что у него есть кошка, — бесцветно ответил Августин. — В любом случае, мы не можем её взять... Не теряй время, найди ключи от квартиры и закрой её. Его жизнь — сейчас важнее.

— Да... конечно.

Я вихрем промчалась через всю квартиру, подобрав одежду и предметы первой необходимости.

Давняя привычка, которая нарабатывается со временем, когда к людям в больницу так и никто не приходит.

Не трудно потратить ещё минуту времени, даже в борьбе между жизнью и смертью, где оказался наш обескровленный пациент.

В конце концов — не оставлять же его без трусов, когда очнётся.

Если очнётся...

Нет, не если, а когда.

Он должен очнуться и поправиться, ведь дома его ждут.

Разложив носилки, Марк и Августин уверенным и привычным движением уложили тело.

— Маш, выключи всю электронику и свет, пожалуйста, — взяв, с одной стороны, носилки, попросил Марк.

— Я оставлю для кошки свет в коридоре.

Заперев дверь на ключ и погладив на прощанье бусинку, я догоняла спускающийся по лестнице дуэт.

Водрузив носилки в карету и закрепив их, Августин дал команду водителю:

— Двигай, Лёнь, у нас экстренный.

— Добро, шеф, — ответил водитель.

Мы пытались реанимировать его, продолжая некоторые манипуляции по дороге; протирая тело от крови, и спустя несколько минут я решилась взглянуть на лицо молодого человека и...

— Эм, ребят?.. По-моему, он в сознании...

— Шаурма... — мертвенно слабым шёпотом произнёс тот.

— Повтори? — спросила я, наклонившись поближе.

— Шаурмой... пахнет, — выдавил из себя он.

— А, да, — чуть опешив, подтвердила я его предположения. — Берегите силы, у вас шок, скоро будем на месте...

— Кусну? — попросил он, не воспринимая и не видя ничего, кроме запаха еды.

Мы, трое, переглянулись между собой, Марк и Августин сочувственно ухмыльнулись.

Я достала свой свёрток и, осторожно приподняв раненому голову, поднесла ко рту недоёденный уголок.

Откусив и медленно прожёвывая, оставаясь далеко за восприятием реальности, произнёс:

— Заебись... — и почти сразу снова потерял сознание.

— Ебануться, Господи, — смиренно вздохнул Марк, пока карета подъезжала к больнице.

Мы вытащили носилки и передали любителя шаурмы под ответственность коллег.

Августин о чём-то разговаривал со встречающей по их прибытии командой медиков, пока я сложила мешок с собранными принадлежностями парню под ноги.

— Здесь всё необходимое. Не выкидывайте, — попросила я.

— Спасибо, учтём, — ответили, удаляясь в коридор больницы, специалисты, оставив нас троём в компании друг друга.

— Надеюсь, киса будет в порядке, — вздохнула я. — Ну и наш товарищ — тоже, — добавила во избежание недопонимания.

— Пойдём доедим уже, что ли, — подвёл итоги Марк.

— И поспать бы не помешало, — подытожил Августин. — А говорил — труп, — обратился он осуждающе к Марку, закрывая за собой дверь.

— Он не труп благодаря нам.

— Вот именно. Какой бы безнадёжной ни была ситуация, мы — воины и солдаты жизни, а не смерти, и накликать её раньше времени — значит оказать ей услугу, — напутствовал он, прежде чем откинуться в кресле.

— Спящим ты мне нравишься больше, — пробубнил Марк, покачав головой, развернув, наконец, свою порцию.

Четвёртое мгновение

Тихон

«Что это такое?»

Сознание начало пробиваться сквозь тьму, переходящей от вязкой и вечной до различной.

«Выжил?» — смутно подумал я, не понимая, сам ли это произнёс или пронеслось в голове.

— Выжил... — обречённо выдохнул я, почти беззвучно.

Рано или поздно, веки придётся открыть, даже если нет ни желания, ни сил, ни смысла. И я открыл.

Свет ощущался мной чем-то неестественным и ослепительно ярким, несмотря на... Да, пасмурную погоду за окном.

Я один в палате. Но следующая мысль была о том, что забыл или не обращал внимания, как выглядит больница современного образца.

«Словно в фильм попал» — оценил я, не в силах больше расшевелить губы.

Боль. Чувствую, как тело пронизано невидимой болью, непонятно откуда.

Запястья перевязаны, а рядом с койкой — знакомый полуоткрытый мешок с моими вещами, различил по его наполнению.

Осматриваясь, я заметил кнопку вызова медсестры или кого-либо из персонала, видимо.

Долго пытался дотянуться до неё. Тело и ломило, и совершенно обессилено.

Кое-как удалось нажать на неё. Осталось дожидаться хоть кого-нибудь.

Но зачем?

О чём-то осознанно думать не было сил.

Да и не хотелось.

Через какое-то время дверь отворилась, и кто-то вошёл, я даже голову не развернул в сторону, чтобы узнать, кто же это. Заметил лишь периферический образ и лёгкий шаг молодой девушки — та едва слышно подплыла к моей койке с планшетом наперевес.

Несколько мгновений спустя, закончив с проверкой показателей, до меня дошёл её голос.

— Добрый день, — поздоровалась она. — Вы были без сознания около тридцати часов. Чудо, что вы выжили, учитывая количество потерянной крови... Как себя чувствуете? — докладным тоном закончила рассказ медсестра.

Я не ответил, не меняя положения головы и тела, смотря куда-то вдаль.

— Вы сейчас слабы, но быстро встанете на ноги, пробудете здесь лишь несколько дней для восстановления, но вот чувство слабости останется с Вами на подольше, особенно руки. Ну и болеть, соответственно, будут какое-то время... — продолжала девушка, но главный вопрос вырвался, опережая желание.

— Зачем?.. — пытался я выдавить из себя по слову.

— Мм? — прислушалась она.

— Зачем... зачем вы меня спасли? — выдохнул я, полноценно сформировав мысль, и повернулся к ней.

Тело снова перевело рубильник на проявление эмоций в виде рекой стекающих слёз.

Повисло недолгое молчание, словно она обдумывала самый неочевидный вопрос, который мог быть задан в стенах больницы.

— Это наша работа, — ответила сочувственно, снисходительно и одновременно с этим хладнокровно медсестра. — Вас удалось откачать, слабость и небольшая дезориентация спадут спустя некоторое время.

— Вы уже это говорили, — так же слабо отметил я. — Я уйду, можете дать мне... бумаги, где пациент отказывается от лечения или какая формальность здесь вам нужна? — немного, но через силу подумав, продолжил я.

— Вы не в состоянии даже подняться... — начала было девушка.

— Значит, начну с этого.

Я смог дотронуться и провести ладонью по лицу, с намерением выйти из оцепенения, и медленно решаюсь подняться.

— Давайте я хотя бы отключу Вас от датчиков, обработаю и перевяжу, — натягивая на себя стерильные перчатки, предложила она, наблюдая за моими беспомощными попытками расшевелить тело. — Вы правы, мы не можем насильно никого удерживать, но пока Вы здесь — ответственность за то, чтобы даже выйти из этих стен, всё равно остаётся за нами.

Проведя какое-то время за манипуляциями, медсестра подсказала, где уборная, и удалилась.

Перед тем, как встать на ноги, я присел на краю койки, где медленно и последовательно пытался вспомнить о том, как работает тело, начав разминать ступни и ноги.

Наконец, почувствовав, что сил накопилось достаточно, чтобы хотя бы встать — я поднялся и осторожно, не спеша, почувствовал опору в ногах.

Слабость и долгое пребывание в лежачем состоянии давали о себе знать, не говоря о воздействии препаратов, под которыми я находился.

Ну и потеря нескольких литров крови на пользу самочувствия не идут, очевидно.

Я как будто пьян... И чудовищно хочется вернуться на койку и продолжить свои скитания по царству Морфея.

Вечно.

Никогда в жизни поход в уборную и само передвижение не воспринималось так неестественно медленно. Никогда бессилие не отзывалось телом ярче, чем самая свирепая боль.

Очень ко многому можно применить «никогда», например:

«Я никогда намеренно не умирал», — подумал было я в неловких и мучительных попытках умыться.

Сами сборы прошли в том же ритме. И снова без намёка или дуновения самой простой мысли, лишь один порыв: выйти отсюда и более не возвращаться никогда.

Довольно с меня больниц.

Эти ощущения напоминали о том, что Смерть так и не забрала, а именно — воспоминания.

И я вспомнил, отчего так были ненавистны подобные места.

Я обернулся на стену перед собой, где, как мне показалось, проявился циферблат часов, электронного формата, на которых высечено время:

23:59:20

Оно... Оно что-то значит, и было чем-то важным для меня, но так и не смог вспомнить, о чём пытается напомнить или донести подсознание, как в следующий момент — стена снова стала белой.

Надо меньше пить...

Или умирать.

Тот, кто собирал мешок, оказался неожиданно предусмотрительным, вплоть до свежего нижнего белья, что было на мне.

Кое-как собравшись и одевшись, медленно, я вышел из палаты.

Думать об опоре на ноги, переставлять одну, а следом — другую. Не спеша, впрочем, какая здесь может быть спешка, учитывая обстоятельства и состояние, в котором умудрился очнуться.

Подойдя к стойке... администрации? Медперсонала?

Неважно, я обратился к сидящей там женщине:

— Мне что-нибудь нужно подписать? — спросил хрипло.

Сидящая за стойкой медсеструдица с ручкой во рту подняла на меня взгляд:

— Хм, Ваше чувство ответственности оказалось сильнее смерти, — хмыкнула та. — Нет, но с социальной службой придётся пообщаться.

— Чего? Какая ответственность?

— Формальная.

— Прошу прощения?

— Прощаю... подозрение на суицид. На нас обязанность докладывать о подобных инцидентах.

— Мне не нужна никакая помощь...

— Или с ними, или с правоохранительными органами... Впрочем, обычно всё заканчивается одинаково — психотерапевтической работой.

— А Вы мастак в исчерпывающих ответах, — обдумав услышанное, ответил я. — Прекрасный день, чтоб быть живым, где даже подохнуть нужна формальность. Всего доброго, — с нажимом выдал я напоследок.

— По порядку. Документы здесь. Личность установлена. Хотите — заполняйте, хотите — нет, — проговорила медсестра, разложив какие-то бланки на стойке и, нарочито испытующе щёлкнув ручкой, протянула её мне. — Это как раз необходимая формальность, Вашу личность всё равно установили, — стрельнула она глазами и указала ручкой на документы. — Пряник или кнут, — кнут пришёлся на телефон.

— Я стою с трудом... — пытался я воззвать к здравому смыслу.

— Ручку держать можете?

— Не знаю...

— Попробуйте — узнаете, — с мерзкой напыщенностью улыбнулась она.

Закончив с бумагами, еле различая текст на них, и чувствуя невыносимое раздражение от невозможности держать твёрдо в пальцах письменную принадлежность, мне снова пришлось обратиться к женщине:

— Передайте, пожалуйста, благодарность девушке, что ухаживала за мной.

— А мне? — ухмыльнулась она.

— А тебе желаю держать во рту что-нибудь полезнее ручки, желательно, органическое... — язык за зубами, например. Как лекарство от вредности и этой... чванливой улыбки.

И удалился себе восвояси.

Пятое мгновение

«Живой!»

Идти особо некуда, кроме места жительства. Домом оно давно не ощущалось, вот и не называю те стены домом. Да и, в целом, для меня дом — это человек, а остальное — лишь условности и принятая обществом модель восприятия.

Надо бы вызвать такси, даже с моим запалом к прогулкам, я не в состоянии передвигаться хоть сколь-нибудь безопасно и уверенно, хотя бы для окружающих. Нет-нет да споткнусь о кого-нибудь или обо что-нибудь.

О столб, например, или в грузовик, мчащийся на меня...

А, ладно.

Впечатляющее фойе в больнице, ничего не скажешь, так бы и дождался на одном из этих кресел второго пришествия, если не сына Господа, а Её, той, что не забрала меня.

Только сейчас вспомнил про телефон.

Никогда в жизни не видел такое количество уведомлений и сообщений. Разумеется, человек становится интересным и важным только в момент смерти, но никак не при жизни.

Матильда...

Я оставил её. Но как я вообще сюда попал? Как и почему успела приехать скорая или какая бы то ни была помощь?

Неважно.

Отсрочка мне ни к чему, но даже в таком простом деле жизнь умудряется учинять препятствия.

Всё, как всегда.

Вот и машина подъехала. Не знаю, говорит ли об этом мой внешний вид, но по ощущениям, — будто с войны вернулся и на волевых парах ковыляю к такси...

— *«И представляешь, говорит, жениться собирается, а Нонус мне фото его невесты показывает. Нашли при обыске в нагрудном кармане»* ...

Что это? Воспоминания?

Почему я помню только голос, но не образ...

Секунду, почему я вообще не помню ни образ, ни имя, ни момент, при котором слышал эти слова?

— *«Охуительная история, майор»* ... — нет, я тогда сказал не «майор», а произнёс имя обладателя звания — имя своего друга. — *«... Не рассказывай об этом больше никому, хорошо?»*

Что и... кто мне тогда рассказал об этом?

Я вернулся в реальность, где таксист выжидательно наблюдал за мной.

Встряхнув головой, отгоняя веяния прошлого, я подошёл к задней двери и...

Не могу сжать свою руку, чтобы ручка двери поддалась открытию.

Ещё раз.

И ещё раз — безрезультатно.

Водитель заметил и моё ковыряние, и открыл окно той двери, что я безуспешно пытался распахнуть.

— Вам помочь? — вызвался он.

— Да, пожалуйста... Извините, не могу открыть, сил нет.

— Момент, — сказал он, выйдя из машины и пройдя к моей двери.

Занятная картина, где человек почтенных лет помогает тому, кто должен быть, хотя бы условно, в самом расцвете сил. Впрочем, сил и самой жизни в мужчине было ощутимо больше, особенно на контрасте со мной.

... Это называется эйджизмом? Предвзятое или стереотипное отношение к людям на основании их возраста?

Неважно.

Зачем я вообще об этом думаю?

— Спасибо большое, — поблагодарил я его уже в салоне.

— Пустяки. Болеете? — поинтересовался тот.

— Да... Можно и так сказать.

— Ничего, хворь — закаляет тело и душу.

— Или приводит к смерти, — немного обдумав, ухмыльнулся я.

— А ты оптимист, сынок. Не по возрасту тебе переживания о смерти.

— Всего лишь формальность... И вопрос времени, вдруг. У меня рак, например.

— Типун тебе на язык, конечно, но... Тут ты прав, в вопросе о времени. Но не наговаривай на неминуемое.

— Тому не миновать... Но спасибо.

Остальную часть пути я просто смотрел в окно, на город, что не заметил бы моего ухода, да и должен ли был?

И всё-таки я остался эгоистом, в плохом смысле.

— Сюда? — спросил через какое-то время таксист, подъезжая к знакомым мне местам.

— Да, спасибо большое, — ответил я, выйдя из протрации.

— Я помогу! — отозвался тот снова, открывая свою дверь.

— Чувствую себя немощным, — признался угрюмо и виновато я, медленно поднимаясь со своего места. Таксист протянул свою руку и подпер меня крепкой и сильной хваткой.

— Все болеют, а такая помощь — ничего не стоит.

— Как и благодарность. Спасибо Вам.

— Бывай и выздоравливай. Ноги всегда найдут на что опереться.

— Если не падать, — и вредность осталась неподвластна Смерти.

— И впрямь оптимист, — улыбнулся тот, вернувшись обратно в машину.

Лишь слухом проводил я шум отъезжающей машины, не оглядываясь. Надо бы присесть... Никогда не сидел на скамейке у дома, к слову.

Сил не прибавилось, и, в целом, сознание и тело, казалось, вот-вот отключатся. Лучше сопротивляться этому состоянию в сидячем положении, пока не доберусь до лежачего.

Машинально я потянулся к карману и почувствовал, как при мне остались сигареты. Даже не помялись.

Поджигая первую, я почувствовал на себе смысл выражения о «радостях в мелочах», которое так рьяно продвигают разочаровавшиеся в жизни настолько, что приходится побираться в поисках «счастья» даже через базовые, механические движения тела — о большем и говорить нечего, в этом и весь человек.

— Идиоты... — с крайним отвращением бурчу я себе под нос.

... Но я не прав. То, что естественно для одного — может быть несбыточной мечтой для другого.

Кому-то и сигарету в руках держать невозможно, а мне, как всегда, лишь бы обвинить кого-то в личном недовольстве и неудовлетворённости жизнью, потому что такой дурак, вроде меня, не справился с её вызовами, а самой Смерти я, как оказалось, и не нужен вовсе.

Привкус слёз дошёл до губ. Забыл это чувство, когда охватывает сам рефлекс, а не его последствия.

Вот и рыдаю себе тихо, стараясь сконцентрироваться на сигарете.

Есть только я и сигарета, я и сигарета, я и ...

Но не в силах сдержать натиск — я поддаюсь ему.

Я не знаю, не понимаю, что делаю здесь.

Не хочу я жить, не «не могу», а не хочу.

Не знаю, сколько времени прошло, когда морозная ночь дошла до меня, просидевшего полужёжа на этой проклятой скамейке.

Надо было подняться. Надо было подумать, когда эмоции, что не ощущал в себе давно, но все до единой, — выплеснулись наружу.

В квартиру я поднимался неохотно, но вынужденно.

В мешок с вещами положили и ключи. Невольно я поблагодарил того неизвестного, вслух ли были озвучены намерения или нет — не знаю.

Переступив порог, я ничего не ожидал увидеть. Свет решил не включать, он казался мне чем-то враждебным, неестественным и вредным спутником для своего состояния.

Заметил, что довольно чисто для места, где два дня назад я пытался отправиться в мир иной.

Но никакого магического или потустороннего откровения в этом не было — здесь кто-то убирался.

И вправду, зайдя в комнату «кульминации» и скинув на пол имеющиеся при себе вещи, я не заметил и следа от своих деяний.

— Мать... — догадался я вслух.

Только у родителей имелись запасные ключи.

Вот как до меня доехала скорая.

Но как они узнали? — гадал я снова про себя и, словно услышав мой запрос, пройдя на кухню, обнаружил записку на столе:

«Матильда дозвонилась до нас, и мы вызвали наряд хоть кого-нибудь тебе на помощь. Благодарю Господа, что это оказалась скорая.»

С Матильдой всё в порядке, небольшая шишка на макушке, но она скоро рассосётся, мы её сдобрили мазью.

Свяжись с нами, пожалуйста, как вернёшься домой и прочитаешь это сообщение.

Береги себя, сынок, и главное — живи. Всё остальное — решаемо».

На письмо упало несколько капель слёз. Наверное, на информации с Матильдой, в очередной раз сработал рефлекс.

Матильда... Она как-то забралась на полку, включила телефон и набрала нужный номер. Невозможно...

Да это абсурд, как кошка могла позвонить?

И не нужна мне ваша забота и переживания, уважаемые родители. Уже сбился со счёта, сколько раз просил и требовал оставить под мою ответственность свою же жизнь.

В отличие от меня — у вас был выбор при решении: заводить ли семью или нет.

А то я весь из себя неблагородный и разочаровавший вас кусок говна, но как речь заходит о себе, чуть что — «Нас никто не учил жить и быть родителями».

Интересное замечание для тех, кто нужен был в роли человека и опоры для ребёнка, а не функции.

Видимо, курсы для наработки эмоционального интеллекта ещё не придумали, как и терапию для повышения качества личности, где за всё происходящее в жизни — человек несёт ответственность в первую очередь перед собой.

Я медленно пошёл к месту, где обычно спала Матильда. Она, как ей и было свойственно, не отрывала от меня глазки, а я её даже не заметил и вспомнил, только прочитав письмо.

Чувство ответственности за тех, кого приручаем, мне, видимо, так же не доступно, как и требования к обладанию удобных и желаемых мною качеств у своих родителей.

— Матильда, — слабо позвал я единственное существо, чей хозяин и родитель предал и выставил её за дверь. — Матильда, прости меня, пожалуйста.

Я не смог удержать себя на ногах, как и свои эмоции.

Снова.

Её взгляд и поведение были беспристрастны и безучастны.

Не желая слышать и быть участницей в обнажившейся во мне вине и печали, она молча ушла подальше от образовавшегося перед ней спектакля имени несвоевременного осознания обдуманного, ничем не примиряемого поступка, тем самым описав всем сущим, какого обо мне она осталась мнения.

Она не позволила прикоснуться к себе, и я не смог погладить травмированную макушку ребёнка, которого я предал и оставил на волю судьбы.

Я просто остался лежать на полу и всхлипывать.

Недостаточно живой, чтобы подняться, и недостаточно мёртвый, чтобы тьма снова проглотила меня.

Так и уснул, сам того не заметив, как и всегда в последнее время.

Шестое мгновение

«Бегом!»

Ноги обдало солнечным теплом.

Не знаю, почему я так уверен в том, что причина их нагрева — именно солнечный свет, а не полыхнувший пожар.

Пожар?

Резко открыв глаза и повернув голову в сторону, куда побуждали мысли, я направил свой полудрёмный взгляд на неопределённую точку в пространстве.

И всё-таки — то было солнечное тепло.

Не знаю, сколько я здесь пролежал, но тело явно не с благодарностью напоминает о том, что уснул я, собственно, на деревянном полу.

Матильды рядом не было.

«И кто же в этом виноват, Тихон?» — спросила меня совесть.

Надо было подняться, хотя ни сил, ни желания, ни какой-либо причины на это не было.

Но это необходимо. Так я — точно не дойду до своей цели. И не доползу.

Поднимись.

Сейчас.

«Я поднимусь, обещая, что закончу всё это» — нашёл я к себе подход. — «Только поднимись, прошу тебя».

Туша поддавалась воздействию, как в фильмах, где персонаж выходит из комы: медленно, неуверенно и с драматичным откровением, что тот в больнице и...

Ну, в зависимости от сюжета или смешной картинки из интернета, как, например:

— «Вы пробыли в коме шесть лет!»

— «Какой сегодня день?»

— «Суббота».

— «А который час?»

— «Шесть утра».

— ... «Разбудите в девять, а лучше — в понедельник».

... Я больше никогда не буду шутить даже про себя.

В целом — ощущение таково, только вот не думал, что на это требуется столько сил.

Пришлось и прокряхтеть, и прорычать, но всё-таки удалось подняться, оперевшись и ухватившись за всё, за что только можно было.

Спасибо, что не обоср...

Обычно день начинается с определённой рутины, которую я нарабатывал дисциплиной.

На пользу телу и разуму, разумеется.

Но в чём разница между тем, чтобы начать день с алкоголя, что даст лучший эффект при текущем состоянии, и тем, чтобы пыжиться с физической активностью и душем — я себе не дал объяснения.

Моя задача сейчас не сберечь себя, а довести дело до конца.

Нет никакого смысла в способах и методах заботы о себе.

Подохнуть — и обрести долгожданный покой.

Пока поток мыслей определял моё состояние, я и не заметил, как разлёгся в кресле, безмятежно покуривая сигарету и стряхивая пепел на пол, обращая внимание лишь на то, до куда доходит взгляд: на свои работы, на уголок с проигрывателем, на мольберт, на инструменты для рисования и на...

— «Где вы с ней познакомились?»

Снова голос. Тоже знакомый настолько, что был слуху словно родной.

— «Я же сказал, мы одноклассники».

— «Насколько надо было разочароваться в жизни, чтобы обратить внимание на такого, как ты».

— «Не твой, вот и бесишься».

— «И слава тебе, Господи» ...

Не приведи день, если подобные воспоминания возникают не как напоминание о важном и упущенном, а одним из свойств нахождения в Чистилище.

Ведь сильнейшую эмоциональную травму, после которой полжизни не мог смотреть сериалы, я приобрёл после финальной серии «*LOST*»².

Таким образом я осмотрел всю комнату до мельчайших деталей, пока жар от тлеющей сигареты не достиг пальцев.

Когда я поджигал следующую, пришла и мысль о том, что хорошо бы сжечь всё, что было вокруг меня.

Ведь оно — обо всём и ни о чём.

Надо было снова встать.

Попробуем по порядку: открыть окно, снять одежду, помыться, приготовить... ладно, заказать что-нибудь поесть.

Стоило подумать о еде, как меня тут же стошнило желчью прямо на пол.

Хорошо, пока без еды, но что-нибудь попить организму было крайне необходимо.

И снова залп, но поменьше.

Вот же необучаемый кретин.

После всех манипуляций, что заняли два, чёрт побери, часа, я, обессиленный сильнее, чем после пробуждения, восседал на кухне.

«Манипуляции» — открыть окно, помыться и покурить.

И снова не заметил, как Матильда наблюдала за мной.

Я не могу взглянуть ей в глаза, хотя бы в её сторону.

Запах рвоты заполонил всю квартиру, надо было убрать.

Надо убрать, надо встать и убрать.

Встать и убрать.

Встать. Убрать.

За очередными заговорами самого себя мимо сознания прошел момент уборки последних остатков продукта протестовавшего организма.

То ли слабость, то ли сонливость снова окатили меня — но определить в ощущениях я не смог.

Кресло, на которое упал мой взгляд, будто отвечало на насущные вопросы, перманентно возникающие в голове.

Так и не заметил, как передал своё сознание на нём Морфею.

² «Остаться в живых» (*Lost*, 2004–2010) — культовый сериал о пассажирах рейса 815, потерпевших крушение на загадочном тропическом острове.

Седьмое мгновенье

«Не теряем время!»

До меня донёсся щелчок замка. Я был слишком слаб, чтобы реагировать. Просто лежал, вращаясь в кресло.

— Тихон, сынок, ты дома? — настиг меня женский голос после того, как на пол коридора выложили наполненные пакеты.

— Лучше бы не просыпался, ёб вашу мать... — выдохнул я со стоическим страданием.

— Тихон? — выискивал меня голос матери ещё раз, пока она не вошла в комнату.

Я всё так же безучастно лежал в кресле.

— Привет, сынок, — поприветствовала она меня уже лично. Рядом с ней стоял и отец.

Странно, но я не чувствовал на себе взгляд двоих людей, скорее, — ощущение присутствия незваных теней призраков, действующих на нервы, чем на то, что стоит обращать внимание.

— Что вы здесь делаете? — спросил я, не скрывая раздражения. — Мне помощь не нужна, можете уходить.

— Мы сначала приехали в больницу, но там сказали, что ты выписался.

— Ну и ладно, — ухмыльнулся я. — Только с чего вы решили, что я приеду на квартиру?

— Почему ты не называешь это место своим домом, в который вложил силы, средства, время и разделяешь с любимыми людьми? — подал голос отец.

— Дурной подход — отвечать вопросом на вопрос, — злорадно отметил я. — И с какими ещё «любимыми»? С собой и мной?.. Я жив, инвалидом не стал и позаботиться о себе всё ещё могу сам.

— Можешь, но не будешь... Учтывая оставленную после себя кровавую баню, — с печальной горестью добавила мать.

— ... Спасибо за уборку, — только хватило меня на ответ.

Они медленно и осторожно продвигались ко мне, а я достал сигарету из пачки и закурил.

Оба округлили глаза:

— Ты куришь? — в один голос удивились те.

— Уже лет десять, родители года, спасибо, да, — выдыхая, ответил я.

Никто не знал, какие слова могут быть уместны и не отвергнуты сразу, поэтому какое-то время царил неприятное молчание, пока отец не продолжил:

— Мы тебе привезли кое-что по мелочи... Нам врачи объяснили, в каком ты можешь быть состоянии... Чтобы снять лишнюю нагрузку.

— «Снять лишнюю нагрузку?» — почувствовал я движение своих бровей. — Заказать еду — это нагрузка? Какого... какого хрена вы припёрлись сюда? — отбросив притворную тактичность, начал я выяснять отношения.

— Ты наш ребёнок, как мы можем оставить тебя в таком состоянии? — опешила оскорблённая мать.

— С чистой совестью. Я уже не знаю, сколько раз нужно повторять: мне не нужны ни вы, ни ваше сочувствие; ни забота, ни любовь, ни одолжение, ни заглаживание какой бы то ни было вины, ни навязчивая жалость — ничего, — тело напомнило о том, что я всё ещё слаб для сложносочинённых предложений и какого-либо напряжения, как минимум. В глазах потемнело на некоторое время.

— То есть ты предлагаешь нам смириться с попыткой покончить с собой и желанием продолжить довести себя до могилы? — заключил отец.

Комната снова погрузилась в гнетущее молчание. Сделав последнюю затяжку сигаретой, я потушил окурок о подлокотник кресла и выбросил тот на ковёр, не потерявший изящности в моём пренебрежении.

Мгновенье застыло в тишине.

— «Ты что привезла?» — снова наведались ко мне воспоминания.

Она...

Как же её звали? И почему у меня ассоциация с Одним?

Валексия?

Нет, это просто выдуманное мною слово...

Валькирия?

В этот раз неуверенность сменилась достоверностью.

Она недоумённо посмотрела на меня тогда:

— «Эм, ковёр», — очертила и обвела девушка верх-вниз руками в воздухе свёрнутый рулон, словно на презентации. — «Прямиком из Персии».

— «И ты его сама дотащила?»

— «Да кто мне поможет?»

— «Как насчёт...» — так. Имя или прозвище растворилось в тишине.

— «Уж лучше самой...» — неутешительно вздохнул силуэт.

— Да наплевать мне, что вы думаете, и что чувствуете при этом — тоже, — вернулся я обратно к крайне неприятному разговору. — Я несу ответственность только за себя, а за вас и за ваши чувства — только вы сами, тем более, когда в них я нисколько не заинтересован.

— Господи, мы же не враги тебе, за что ты до сих пор злишься? — снисходительно и с нарастающей обидой спросила мать.

— Конкретно сейчас — за то, что съёте свой нос туда, куда не звали и не просили, а в целом — за то, что вы не поняли моих слов сразу.

Раскалённая атмосфера почти достигла своего катарсиса.

— Вы мне не нужны, — продолжил я, прилагая остатки сил для завершения разговора. — Благими, социальными, родительскими... да с любыми намерениями. Мне они не интересны нисколько, как и вы... Уходите, у меня нет сил даже на то, чтобы встать.

Я уже почти было потерял сознание, как вспомнил об открытом вопросе:

— Вам Матильда позвонила?

— Да! — ответила мать.

— Как... как ей удалось?

— Я не знаю, мы не знаем, — запнувшись, снова отвечала мать. — Просто дозвонилась и кричала, я сразу поняла, что надо трубить во все колокола...

— Каким образом?

— Просто почувствовала...

— О, Господи... — с презрением вырвалось у меня. — Вы её пытались забрать?

— Она отказывалась уходить, думали, засыпать ей корма и воды, но ты нас опередил. Даже свет ей был не нужен. Ей нужен был ты, живой... Она макушкой ударилась, видимо, во время того, как, ну, всё это происходило.

В этот раз я почувствовал, но смог сдержать слёзы.

— Спасибо, что позаботились о ней.

— Тихон, — Маргарита подошла вплотную к креслу и пыталась взять меня за руку, но мне хватило сил отдернуть её. — Ты отдохни и подумай о том, что жизнь состоит не только из потерь и всего плохого, что происходит. Тебя не просят не сдаваться и быть сильным во всём. Просто отдохни — и живи дальше. Мы все там будем.

— Так и напишите на моей урне или могильном камне, — ухмыльнулся я с издёвкой. — Или на лбу, в конце концов. Разницы нет.

Это были последние слова, на которые хватило сил перед тем, как оставить эту реальность позади.

Очнувшись ранним утром — уже никого не было.

Лишь тишина, что всегда со мной.

Восьмое мгновение

«Работаем!»

И снова мне нужно было подняться. Запах еды и чистоты — первое, что почувствовал после очередного нежелательного пробуждения.

В этот раз обошлось без рвотных позывов.

Кто-то укрыл меня пледом. Как это мило и совершенно... абсурдно трогательно. Не нужна мне забота от тех людей, от которых не желаю её получать.

Градацию между неблагодарным мерзавцем и самодостаточностью оставляю на суд живым и тем, кто пытается найти причину для поведения и отношения ко всему, что свойственно человеку.

Матильда вернулась спать на своё место, стоило мне освободить его, что неприятно, но неожиданным не было.

Мне очень не хватает её тепла, ровно как и невыносимый стыд не позволяет к ней приблизиться или удержать взгляд на её холке дольше, чем едва заметный миг.

Кухня чувствуется... наполненной. Не столько забитым холодильником или едой на столе и на плите, сколько ощущением, что здесь царил жизнь, пока я спал мертвенным дрёмом.

Снова записки, Господи помоги... но хоть в этот раз — дельные и касающиеся еды:

«Не забудь добавить сыр», «Не забудь убрать в холодильник», «Береги себя, ты обязательно преодолеешь и этот этап, каким бы ужасным он ни был. Пока жив человек — всё возможно».

Я ухмыльнулся, читая последнюю, — значит, и шанс покинуть «бренный мир» остаётся возможным. Очередное напутствие, о котором никто не просил, лишь бы не тратиться на похороны.

... В общем-то, можно понять и эту позицию.

... Но я им благодарен за всё. Кто, если не родители, примут тебя, в какую бы редкую словочю ни превратился их ребёнок?

В большинстве случаев.

Мне нужно было подтянуть или перевязать бинты. Раны почти не кровоточат, а если и так, то и не замечаю.

Неожиданно, как подарок не по адресу, хорошая новость: порез на правой руке был неглубоким. Слишком мелким, чтобы остался шрам.

А вот то, что уже свойственно мне — ирония, заключающаяся в том, что порез на левой — отдувался за них обоих.

... Разве я не проткнул обе руки почти насквозь или меня в этом убедил искажённый эмоциями рассудок?

Не знаю. Снова... снова что-то навеивает в подсознании...

— «*Это "Пеларгония-плющелистная", дружище*», — выдохнул образ, рассказывающий мне о чём-то со слезами на глазах, сам того не замечая...

Моё состояние сейчас — это некая преємственность и воздействие от другого человека? Но я не могу вспомнить, какую роль он играл в моей жизни. А пеларгония, это вроде бы... цветок?

— «*Перед отпуском были на задании, где впервые испытали их в боевых условиях. Система автонаведения приняла нас за противника, Тея чуть монитор не снесла перед собой, проклинающая техслужбу*» ...

Так...

Нет, не так. Вообще не понимаю, о чём идёт речь, причём здесь цветок, война, какая-то Тея, и почему... никак не могу вспомнить имя, плакал с улыбкой на лице, от которой холодило в душе?

С чудовищным усилием приходилось проталкивать в себя пищу вместе с болью, словно разрывавшей желудок и кишечник на части. Но и силы, справедливости ради, также насыщали энергией тело.

Решил проверить и телефон, в сопровождении трапезы. И каждый раз, когда читал сообщения от людей, о которых и забыть успел, — и боль прошла, и сами люди словно просто растворились в памяти.

Ухмылка, полная разочарования, не покидала меня во время всего действия.

Да, мы становимся значимыми только тогда, когда нас нет.

Ну погоревали бы пару минут и вернулись к своей жизни.

Делов-то.

Надо было решить, было ли у меня что-нибудь на повестке дня или придумать себе занятие, чтобы не сойти с ума взаперти в воздвигнутой собственными же руками клетке.

Мог бы пойти в мастерскую, узнать свой «рабочий» статус, а там — видно будет.

Мне всё ещё не хватает сил, чтобы уверенно стоять на своих двух, пусть даже не самое продолжительное время.

Приветственный перекур перед входом куда-либо — своего рода традиция, везде, где бы я ни оказался. Наверное, помогает переключиться с одного действия на другое, а может, я даю оправдание и объяснение своим зависимостям.

Но вера в рабочий и обоснованный смысл моих аддикций сильнее, чем потенциальная закономерность в виде мучительной смерти, о которой нам напоминают этикетки на пачках.

Да хоть какая — лишь наступила.

О чём-то таком я и размышлял, стоя в курилке комплекса, как о причинах, зачем и с чем сюда вообще припёрся.

Голова работает так же плохо, как и после пробуждения в больнице, даже связать воедино односоставную мысль — довольно энергетически затратное и изматывающее действие, что уж говорить о том, как бы держаться более-менее здорового и здорового вида с непомутнённым рассудком человека.

Наушники с музыкой — лишь какофония сменяющихся мелодий. Обычно при очередном расстройстве, музыка помогала сконцентрировать и направить беспокойство разума в единый цельный образ и поток рассуждений.

Но не сейчас.

— Привет, Вов, — поздоровался я с нашим неизменным и верным преторианцем.

— Тихон! — не ожидал тот меня увидеть. — Работа не болеет, да?

— Работа... Мануальная мастурбация кистями по холсту, в угоду своему эго, скорее, ты же знаешь.

Владимир осторожно засмеялся, переживая, что нас могут услышать.

— Есть кто из наших? — решил я не развивать предыдущую мысль, иначе, поднимусь на студию только к ночи.

— Да, всей командой, вроде как. Ну, кроме тебя.

— Понятно, спасибо, Вов.

— Что тебя подкосило? — спросил было он, когда я уже развернулся к своему направлению.

— Жизнь, — этот ответ вошёл уже в привычку.

— Оригинальна широта твоих мыслей, юноша.

Я вяло улыбнулся и направился к лифтам.

— Бывай, Вов.

Видимо, одна из особенностей смерти в том, что, выйдя после неё живым, заново открываешь для себя мир вокруг.

Я и забыл, сколько удовольствия от чувства «уместности» я получал на первых парах, входя в это здание и в наше крыло, жившее и расцветающее языком искусства.

Выйдя из лифта, я снова остановился возле двери, пусть и была она полупрозрачная и те, кто направит свой взгляд на неё, мог заметить размытый силуэт, но я не мог не постоять перед ней хотя бы какое-то мгновение.

Не уверен в представлении значения для меня подобного... действия: то ли дух пережить, то ли морально подготовиться к смене обстановки, то ли чувство, что это может быть последняя дверь, в которую я войду, но не выйду, а может, за ней — я смогу получить ответы на вопросы, оставшиеся без них.

«Дверь» — в фигуральном значении, разумеется.

Наконец, отворив её, я оказываюсь в привычном своему глазу и нутру месте.

В отличие от иных мастерских, света и окон здесь ровно столько, чтобы соблюдался баланс между естественным и искусственным — ни больше, ни меньше.

Эльза сосредоточенно сидела на своём месте и вдумчиво работала над чем-то. Остальных глазами я не сыскал, да и не стал осматриваться.

— Привет, — взял я первое слово.

Эльза подняла голову и недоверчиво посмотрела на меня, оторвавшись от своих... Чем бы она ни занималась.

— Тихон?! Что ты здесь делаешь? Как ты так незаметно подкрался? — ошарашенно зашебетала та.

— Г-господи, — опешил я не меньше. — Давай по одному вопросу за раз, прошу тебя, — вымолил я обречённо.

— Девочки, сюда! Тихон пришёл! — вскрикнула она в глубины студии.

— Да не отрывай их от дел, если заняты, посижу, подожду.

— Успеют ещё наговориться, учитывая обстоятельства.

— Обстоятельства? Может, они там, наконец, уединились и дали волю своим чувствам.

— Чего?

— Кхм, сплетничают, может, говорю, — с выражением уточнил я.

Эльза прыснула, но сдаваться не собиралась:

— Шалашовки! Живее сюда, Тихон пришёл! — во весь голос закричала моя коллега.

— Уже бежим!

— Момент!

Ответили в унисон через стенку зазываемые, пока я думал: это стёкла задрожали от голосовой феерии или мои перепонки в ушах?

Быстрый шаг всё нарастал, пока из проёма не появились они.

— Засранец, ты почему здесь? — отбросив любую тактичность, удивилась Аня.

— Тебе нужно отдыхать!

— Или отвечать на сообщения и звонки, если уж можешь и стоять!

Я не способен был разобрать, за кем оставался каждый из вопросов.

Обречённо выдохнув, я стоял и взглянул на них своим привычным выражением лица, означающим абсолютно всё, что подходило под контекст.

— Я присяду.

— Кофе? — предложила Саша. — Могу и крепости добавить, для «настроения», — подмигнула она.

— А потом меня упрекнут за эксплуатацию женского труда и шовинизм.

— Вот debil, — заключила та с безнадёжным утверждением.

В это время Анна кошачьей походкой подкралась, села напротив и сверлила... оценивала моё состояние, но никакого неодобрительного осуждения я на себе не почувствовал, в отличие от настороженности, проявлявшейся ошутимее всего.

— Ты очень бледный... Зато кожа такая чистая, и помолодел как будто.

— У Дориана Грея портрет одолжил.

— Тихон, — заботливо, что непривычно моему слуху, произнесла она. — Когда ты выписался?

— По-моему... это было вчера... Я, я немного теряюсь во времени и пространстве, — покрутил я пальцами у виска, подкрепляя слова движениями.

Возникла небольшая пауза и пока Анна с Эльзой продолжали сверлить меня взглядом, Саша принесла кофе с резким, но приятным сладковато-этиловым наполнением.

— Спасибо, золотце, — взяв неуверенной хваткой двумя руками чашку, поблагодарил я её. — Где у вас чаевые оставляют?

— В ладошку можешь себе накакать, — ответила она.

— Здорово, в гостеприимности — вам равных нет.

Руки совсем были лишены какого-либо надёжного или устойчивого хвата, поэтому, от греха подальше, я положил чашку на кофейный столик.

Девушки наблюдали за каждым произведённым мною движением.

Саша так же села напротив.

— Ты как? — присоединилась к вопросам и Эльза.

— Не знаю. Выжил, наверное, — условно вдумчиво ответил я.

— А пришёл-то чего, когда ровно стоять не можешь?

— Не могу усидеть в четырёх стенах, даже при смерти.

Я потянулся за кофе, и бинты оголились. Я даже не стал каким-либо образом пытаться скрыть их, поздно спохватился для какого-либо манёвра сокрытия.

Девочки заметили — вот и ещё одна причина для беспокойств и обсуждений.

Пальцы не слушаются. Чашка будто горячее обычного. Или это я стал холодным?

Немного прочистив горло, я попробовал напиток:

— Ух, ебать, — прокашлялся я от неожиданности в гамме вкусов. — Что ты туда добавила? — спросил я Сашу.

— Всего понемногу, что можно было добавить.

Я поочередно смотрел на АЭС — аббревиатура оказалось под стать эффекту от атомной станции. Стоит пообщаться с ними тремя пару раз — бодростью и эмоциями будешь обеспечен на год вперёд. Не знаю, насколько им неловко было сидеть в перманентно возникающих паузах, но меня это не особо беспокоило.

Я немного начал наполняться силами, не в последнюю очередь благодаря влиянию горячительного.

А может, мне просто нужно было с кем-то поговорить из своего окружения.

— Как у вас дела?

— Живём, — вернула мне мой же ответ Аня. — Немного корпоративных, частных прибавилось и пару коллекционных. Работа есть, словом. Переживать на ближайшие полгода-год не о чем, — рассказывала она. — Твои работы тоже берут.

Я ничего не ответил на последнее уточнение.

— Не интересно какие? — спросила Саша.

— Не-а, — признался я. — Вы справляетесь, помощь нужна?

— О нас не беспокойся, не перегружаемся.

— Это хорошо... хорошо, — заговаривал я себя.

— Тихон... — продолжила Аня. — Почему?

Я поднял на неё взгляд, в коем причин и ответов на вопрос найдётся много больше, чем способны выразить слова.

— Я знаю, мы не то чтобы особо близкие друзья, в принципе. Может, хорошие коллеги или партнёры, как угодно, но... но, когда речь идёт о мыслях, и уж тем более действиях закончить жизнь так, как задумал ты, может, стоило бы начать с малого — с нас, например? Мы не психологи и не ведуньи, конечно, но ты не безразличен ни одному человеку, сидящему здесь... Я ведь могу говорить за всех, девочки?

— Да.

— Конечно, что за вопросы.

Ответили одновременно Эльза и Саша.

Выдержав небольшую паузу, Аня вернулась к своей речи, а я снова не заметил, в какой момент у меня вновь заслезились глаза:

— Давно думал об этом?

— Да, очень, — пытаюсь выловить нужные мысли и облечь их в слова, ответил я. — Не думал о том, что будет, если не получится... И вот я здесь, — вздохнул я.

— Тихон... это началось после?..

— Не надо.

— Это можно обсудить, — настаивала Эльза.

— Не надо, пожалуйста, — уставшей улыбкой пресёк я разворачивающуюся тему. — У меня нет ни сил, ни желания возвращаться туда снова. Достаточно было этих... добродеев со своей хренью психологической. Обойдётся без этого хотя бы здесь, не с вами, пожалуйста. Я... правда благодарен и чувствую вашу попытку помочь или, может, посочувствовать, но... Но мысль озвучили почти верную: я не могу и не хочу обсуждать вообще с кем бы то ни было, — на последнем издыхании произнёс я, не рассчитав силы и зажмурившись. — Хоть и люблю вас.

— Да, мы знаем, — снова ответила Эльза.

Следующая пауза в молчании прошла недолго.

— Что думаешь делать дальше?

— Не знаю, я ведь не планировал ничего дальше того дня... Надо будет немного подумать, когда не придётся прикладывать столько усилий для такого простого действия.

— Ты можешь приходить сюда, просто, ну, знаешь, провести время, если тебе здесь легче. Подумать о своём...

— Спасибо, ребята, — ответил я слабо. — Не буду своей аурой сбивать ваш фокус и творческий настрой.

— Аурой? А чего не биосфера или психополе? Подходящие слова для такой зануды, как ты, — цыкнула Саша.

— Твоя аура у меня вызывает только диарею, — не остался я в стороне от ответа.

— Двери всегда открыты и будут открыты, Тихон, в любое время, — подытожила Аня.

— Вспомнил, зачем пришёл, — щёлкнув пальцами и подгоняя нужную мысль на первый план, выпалил я.

— Давай.

— Как... Как быть с работой? Не хотелось бы вас как-то подставлять, раз уж живой.

— Разве тебя это заботило, когда вспарывал себя? — подметила Саша, и тут же мою руку обдало неприятным покалыванием.

— Пассивной агрессией ответов не получишь...

— Это обоснованная претензия.

— Вы когда-нибудь на говно перестанете исходить, общаясь друг с другом?

— Да, когда сдохну, — напомнил я.

Саша и Эльза злорадно загоготали.

— Ну, попытка не засчитана, — поддерживая общий настрой, заметила Анна.

— Ничего, Бог любит троицу, — сообразил я.

Каламбур достиг нужного эффекта, и все присутствующие в помещении засмеялись.

Переоценив собственные силы, сознание вновь начало поддаваться тьме.

Взяв себя в руки, решил продолжить:

— Как поступим?

— Мы это обсуждали. Я тебе расскажу, а ты — не перебивай, — начала Анна.

— Я весь внимание.

Анна выдохнула:

— Ты прав, с учётом всего происходящего, мы тут спокойно не сможем сидеть с кистями и планшетами наперевес, пока ты в таком положении. Даже когда ты рядом — нам более-менее спокойно, но и, уверена, понимаешь, что подобная обстановка на пользу не пойдёт никому: ни делу, ни нам, ни тебе, с верой, что ты разносчик повсеместной хтони, хоть это и не правда, но... Понимаешь, ты ещё и весьма ответственный, и будто... Тебе проще быть виноватым во всём. И силы твои будут направлены не на то, чтобы искусством заниматься, а приуменьшать ощущение присутствия здесь.

Я кивнул, услышав их позицию.

— Тихон, никто не может знать, что у тебя сейчас творится на душе и в голове, особенно когда сам ни о чём не хочешь говорить — с нами или с кем бы то ни было ещё. Но... ты всё ещё жив. Может, попробуешь подумать о том, даже не знаю, куда идти дальше?

Я нахмурился:

— Хочешь, чтобы я ушёл от вас?

— Нет, в широком смысле «дальше», ну, какие ещё имеются перспективы в жизни, на что бы ты мог обратить и внимание, и себя.

— И куда ты собрался уходить? Это такое же твоё место, как и наше, тем более что сам нас сюда и привёл, — добавила Саша.

— Вот именно, — продолжила Анна. — Мы тебя очень любим, Тихон, насколько ты позволяешь подобраться к себе, и лучшее, что мы можем предложить, — снять одну из забот, занимающую осязаемое время. Поверь мне — разбитое сердце трудом не вылечить, а лишь приумножит боль.

— Каким образом? Работа нужна, нужно поддерживать и студию, и вас.

— Сейчас тебе нужно поддержать и помочь себе, — стояла на своём Аня.

— Да не нужна мне помощь, Ань! — выпалил я. — Я здесь, только потому что не сдох, понимаешь? О каком будущем вы мне говорите? — не сдержался я.

— Тихон, именно потому, что ты выжил, тебе и нужна помощь, как бы сам ни хотел её принимать или обеспечить себе самому.

Я молчал, три пары глаз обращены на меня сочувственным взглядом.

— Не надо так смотреть, будто до меня никто и никогда не умирал.

— Но и обрывать её намеренно, конкретно в твоём случае — причин меньше, чем оставаться в живых. Не надо обобщать, речь идёт не обо всех суицидниках, а о тебе.

При последних словах у меня непроизвольно снова дёрнулась рука, тут же налившись болью, хотя никаких физических причин для этого не было ни намёком, ни действием.

— Четыре твоих картины продали, оплата за них придёт вечером или завтра утром. То, что мы обычно скидываем в копилку — сразу вычли и перечислили на твой счёт, чтобы у тебя и мысли не было не брать причитающиеся тебе деньги по каким бы то ни было причинам, взбредшим в голову, а то я тебя знаю... — выдержала она паузу. — Далее поступим следующим образом: мы тебе будем присылать часть гонорара за наши работы, ото всех.

— Вы чего? Я не возьму эти деньги, ёбн?..

— Возьмёшь, мы это тоже обсудили.

— Я заблокирую счёт.

— Поздно. Первые переводы уже сделаны — средства поступят на твой счёт в ближайшие часы. Заблокируешь — деньги всё равно останутся у тебя. Обратное мы их не примем, даже не мечтай.

— Кто же автор гения финансовой мысли?

— Эльза.

— Кто бы сомневался...

— В сюрпризах мы тоже поднаторели, — с победной снисходительностью улыбнулись все трое.

Воцарилось томное молчание.

— Тебе нужно позаботиться о себе и восстановиться. Неважно, сколько времени на это уйдёт: пару месяцев, год — не упирайся в лимит, пока мы здесь и занимаемся делом. А ты сделал для нас больше, чем мог предложить. Нам — не убудет и никак не скажется, как и для студии.

— Это слишком щедро и мне очень неприятно, что вы ввязываетесь во всю эту авантюру из-за... Из-за меня, из-за того, что выжил, и создал вам ещё больше проблем...

— Не говори глупостей. Нас никто и ни в чём не обязывает, мы ведь сами предлагаем.

Я допил остатки кофе и намеревался было прибраться за собой, но и здесь меня опередили.

— Сиди, — приказала Эльза. — Я уберу.

— Пешки патриархата.

— Полудурок, Господи, — и это было утверждением.

Я достал сигарету и закурил, обдумывая услышанное. Саша вытянула руку, и я угостил её.

Все, кто не я, так и пялились на меня в тишине.

— Не ищите меня, если вдруг пропаду, надолго или не очень. Не хочу брать в руки телефон, если не слушаю музыку или не заказываю еду.

— Ты хоть подавай признаки жизни. Время от времени, — попросила Аня.

Я кивнул, но ничего не пообещал.

— Я вас не отвлеч?

— Не особо. Ну, меня и Сашу — точно нет, а Эльза ждёт, пока она останется одна, чтобы поработать без нашего мельтешения над душой.

— Что ж, уважу её желание первым.

Я обвёл взглядом студию, где проводил бесчисленное количество часов, и дверь своего кабинета, в который не заходил около года...

Любопытно, что только сейчас я чувствую прощание с этим местом.

На время или навсегда — *qui vivet, videbit*.

Девятое мгновение

«Все вместе!»

Троица попыталась обнять меня на прощание. Разделил я их порыв неохотно:

— Ах да, мой любимый вид поддержки — нарушение личных границ на рабочем месте.

— Тебе всё равно никто не поверит, а всё патриархат.

Ничего не ответив, я позволил удержать себя в объятиях, пока не начал задыхаться.

— Ладно, а то и сюда придётся вызывать скорую, — прохрипел я с мольбой, выбираясь из вереницы охватывающих рук.

Я повесил на плечи рюкзак, улыбнувшись на прощанье и вдруг снизошёл до очередного вопроса:

— Как вы узнали, что это была... Что я сделал то, что сделал?

— Мне позвонили из больницы, видимо, устраивали обзвон, но у тебя в телефоне не нашли никаких контактов. Пробили через биометрию и нашли адрес места работы, вот и высветились мы все в какой-то базе данных, — ответила Аня.

— Вот оно что, — с облегчением и благодарностью принял я ответ хотя бы на один вопрос.

— Мы больше переживали за Матильду, честно говоря, — добавила Саша.

— Понимаю.

— Но нам сказали, что твои родители в курсе, поэтому и дёргались, чего доброго... Будь это хоть сколь-нибудь полезным, — пересказывала Аня.

— Разумно.

— Тихон?

— Мм?

— Береги себя, пожалуйста. Ты ещё нужен, если не миру и людям, то себе, — напутствовала Эльза.

— За два дня я слышал что-то подобное больше, чем за всю жизнь, — угрюмо ухмыльнулся я. — Чем не ирония, что жизнь человека становится важной лишь тогда, когда его больше нет.

— Ты есть. Сейчас — ты есть.

— Да... Пока что, — подмигнул я неумело и будто прединсультно.

— Дурак.

— Спасибо за всё. Берегите себя... и друг друга — тоже.

— Не прощаемся, Тихон, — отвесила напоследок Саша.

— Ань? — вспомнил я буквально на пороге. — Это прозвучит странно, но меня порывает задать этот вопрос именно тебе.

— Всегда пожалуйста, товарищ...

Она меня как-то назвала, но я... не услышал.

Мой слух, как и память, тоже стал выборочным в своём восприятии?

— ... У меня были друзья-военные?

К моему удивлению, все трое смерили меня таким взглядом, словно я напомнил и озвучил вслух тему, запрещённую для упоминания.

— Очень смешно, — сухо ответила Аня.

Жестом и с неловкой улыбкой я попрощался с подругами и вышел из двери.

Ладно, за сумасшедшего меня не приняли... В полном смысле этого значения, но меня начинает беспокоить и слух, и память, которая будто заблокировала важные фрагменты из жизни.

Что я ещё мог забыть?

Спускался я, отогнав переживания, и без каких-либо чувств, несмотря на добавленные обстоятельные новости, что, конечно же, могут считаться благими лишь отчасти.

Но не для меня, не сейчас. Смысла от них, как и от всего происходящего, меньше, чем от шампуня для собак птицам.

Да и сил не было никаких, честно признался я себе.

— Бывай, Вов, — снова попрощался я с нашим сторожилкой.

— И вам не хворать, молодёжь.

Я снова сидел на знакомой скамье, только в светлое время суток, что было весьма непривычно. Поток музыки и фоновую апатию, под которой не хочется и не может ни думать, ни существовать, прервала вибрация входящего звонка.

Я вспомнил о том, что должны будут связаться службы психологической помощи или подобной бесполезной организации...

Бесполезной для меня.

Поэтому во избежание худшего сценария на звонок пришлось ответить:

— Слушаю.

— Добрый день, Тихон Альбертович? — спросил мелодичный голос по ту сторону.

— Просто Тихон, — ненавижу, когда называют полным именем. — Да, слушаю.

— Вас беспокоит Атанасия Димитриевна, я...

— Чего? Как?.. Прошу прощения, конечно, — перебил я вслух неожиданно для себя самого. — Не расслышал имени, — расслышал, просто не поверил своим ушам, подумал, снова о... особенностях искажения информации.

— Атанасия, — бесцветно повторил входящий голос.

— Атанасия Димитриевна, — вздохнул я смиренно. — Ваши родители ведь в курсе, что правильно «Анастасия»?

— Смешно, свежо и как оригинально, Вы себе и представить не можете...

— ... Прошу прощения, — пристыженно пробубнил я. — В первый раз слышу такое имя.

— Ничего, всем непривычно, — ответила носитель не самого очевидного в наших краях имени. — Я врач-психиатр из филиала Психоневрологического диспансера №7, меня назначили Вашим специалистом по работе с ситуациями «преднамеренных повреждений».

— Ясно. Можно без формальностей, не утруждайтесь.

— Я Вас не отвлекаю, найдётся несколько минут?

— Найдётся. Чем, эм... что Вы хотели обсудить?

— Ваши возможности в необходимости посетить меня. Ваше состояние позволяет проведение сеанса в очном формате или дистанционном?

— Вариант непосещения рассматривается?

— Если желаете продолжить диалог с правоохранительными органами, вместо меня.

— Понял... Думаю, очно. Чтобы недовольство на моём лице считывалось в полной мере.

— Прекрасно, как Вы смотрите на сеансы во... второй половине дня, скажем, в диапазоне с 17 до 19 часов?

— Да... да, сойдёмся на шести часах вечера, без проблем.

— Договорились, я пришлю адрес и остальные данные текстовым сообщением.

— Благодарю, кхм... сердечно.

— Можем начать с сегодняшнего дня, к слову, сейчас у нас... момент... 16:44 — будет возможность?

Я молчал, сопротивляясь самой необходимости в очередной раз ввязываться и соприкасаться с этой темой.

Особенно из-за собственной недалёковидности и глупости.

— Тихон Альбертович, Вы здесь?

— Просто Тихон, — напомнил я с раздражением и выдохнул. — Да, конечно, мне ведь делать то больше неху... Пришлите адрес, пожалуйста.

— Хорошо, до встречи.

Но делать мне и вправду было нечего. Так чего бурагозил?

Пока я пытался упорядочить информацию, что была в сообщении, невольно возникла картина того, что вся история с потенциальной терапией может усугубить и без того сомнительное и пограничное состояние, а с учётом моего отношения к мероприятию как самому явлению — ни о чём хорошем предполагать не приходится.

Мне не помощь нужна, как и попытка навязать те убеждения, что ложью, малодушием и удобным утешением проложат дорогу к весьма простой мысли о том, что жить стоит ради самой жизни, какие бы ситуации ни возникли и бла-бла-бла.

Больше и дальше этого умозаключения — этот бесполезный здравоохранительный рудимент предложить был не в состоянии.

Ну, кроме феназепам.

Помню, уже проходил.

Пока я предавался размышлениям и сожалениям о ситуации, в которую попал, — не заметил, как добрался до нужного места.

Видимо, очередной побочный эффект неудавшейся смерти.

Даже с музыкой, вокруг чувствовалась давящая тишина на этой улице: ни проезжающих машин, ни людей, ни стрекота живого города — ничего.

Сквозь музыку я мог слушать звук тлеющего кончика сигареты.

При входе и на цоколе свежезоведённого здания — никого не было. Я осмотрелся, свет еле тянулся с потолка, лишь тонкой плёнкой покрывая стены внутри.

Очень оптимистично, для здравницы по вопросам ментального здоровья.

— Ну никуя себе филиал, — оценил я вслух, заходя в лифт.

Найдя нужный кабинет, я вновь простоял перед дверью какое-то время.

Так и не понял природу возникновения подобного явления.

Страх не было, как и неуверенности перед неизвестным.

Просто... ничего. Ничего не имело значения, но сразу, какую-либо дверь — я больше не мог открыть из-за невидимого внутреннего и видимого внешнего барьера...

— Тихон? — окликнул меня голос в коридоре, от неожиданности которого я дёрнулся и обернулся. — Атанасия, — поприветствовала она меня. — Приятно познакомиться.

— А если, это был бы не я? — спросил я, не поздоровавшись в ответ.

— Что ж, неловкие ситуации отрезвляют наше сознание, как и дают заряд положительных эмоций, — ответила та незатейливо и дружелюбно.

— Понятно... — только ихватило меня.

— Давно стоите?

— Не знаю, какое-то время.

Возникла оценивающая пауза.

— Сопротивляетесь?

— Нет... не знаю, — смирился я. — Не могу описать это чувство, как будто... просто нужно постоять под дверью, — ответил я нехотя.

— Дверь открыта, можете войти, — предложила специалист.

— После Вас.

Пропуская Атанасию вперёд, я заметил за собой, что не могу описать и образ человека, на которого смотрю или с кем взаимодействую.

Не понимаю, как такое возможно, но развивать подобные темы — бесполезное занятие.

Как и любое другое.

Что они дадут рассуждениям о жизни, в конце концов?

Ну ладно... Атанасия — молодая светловолосая девушка что-то между... нормандской и славянской внешности, наверное. Спокойный и уверенный в себе образ, без повадок или подтекста высокомерного человека.

И это всё, что я мог сказать о ней, прикладывая абсурдно немыслимые усилия для анализа происходящего.

Подходя к своему рабочему месту, она не заметила уголок стола, о который благополучно и зацепилась.

— Ой, — отвесила она так, словно стол и был виноват в том, что стоял на своём месте. — Прошу прощения.

Перед кем или чем она извинилась?

— Вещи можете поставить и сложить куда угодно, а рядом с вами, за ширмой — можно повесить верхнюю одежду.

— Благодарю, Вы... весьма гостеприимны.

Пока я проводил необходимые... раздевательные процедуры, предыдущая мысль развилась с другой стороны: вместе со внешностью человека — я не могу подробно описать и помещение, в котором нахожусь.

Я ухмыльнулся, и целитель души заметил мой вздох:

— Всё в порядке?

— Да, не обращайтесь внимания.

— Работа такая — значительно обращать внимание на незначительное.

— Л-ладно, как угодно, — ответил я будто бы нейтрально. — Мы ведь в государственном учреждении находимся?

— Верно, — кивнула она в подтверждение предположения.

— Странное место, — поделился я мыслями. — Новое здание, а ощущается заброшенным.

— Вы правы. Объект сдадут в эксплуатацию через несколько месяцев, но некоторым, как я, разрешили въехать заранее.

— В первый раз слышу, что формальность работает во благо чему-то. Я точно не помер? — не думаю, что подобную реплику разумно озвучивать перед тем, от кого зависит: окажусь я в психушке или нет. — Вы чем-то особенны? — продолжал я незатейливо.

— Скажем, привилегия госпрограммы по привлечению молодых специалистов — лучше и не объяснишь.

Атанасия, не помню по отчеству, жестом приглашала занять место:

— Можете присаживаться, куда душа более расположена.

— Спасибо, — произнёс я, ещё раз вторя благодарностью.

Мне было всё равно, потому сел на комфортного вида кресло, напротив, но чуть наискосок от доктора... докторши? Докторессы?

Господи...

— Можете также передвинуть его, как больше нравится.

Я остался безучастным на озвучиваемые предложения. Не успел сесть в кресло — как уже дое...

— У нас есть кофейный уголок, если желаете, по левую руку от Вас, — и указала жестом в нужное место.

— Благодарю, я... забыл, что не люблю кофе, но при этом пил его, в последнее время.

Это правда, я далеко не любитель чайно-кофейных напитков, о чём благополучно забыл, как и о многом другом, что было мне свойственно.

И зачем я так подробно упомянул о своём отношении к чему-либо — загадка.

— Могу узнать про Ваши предпочтения? В напитках, разумеется, — нашла тему для рассуждения психиатр.

— Алкоголь, — пожал я плечами неопределённо.

— Что-нибудь конкретное? Если комфортно обсуждать данную тему, безусловно.

— Тот, что пьянит.

— Интересный ответ, спасибо, — дружелюбно ответила она. — К сожалению, алкоголь несовместим в контексте терапии, поэтому...

— Да-да, знаю. Мне уже объясняли нюансы в вопросах о психическом здоровье, — не дожидаясь завершения мысли, заключил я.

— Хорошо, — легко улыбнулась Атанасия. — Я, кхм, ознакомилась с Вашим делом, с позволения сказать. Информации немного, в том числе ничего не сказано о предыдущем опыте прохождения психотерапевтических процедур.

Я молчал.

— Не расскажете, каким он был?

— Я бы не хотел.

— Это важно — контекст, отчего мы бы могли отталкиваться при текущей работе.

— Они не связаны напрямую, — Атанасия вопросительно прищурилась на моё утверждение. — Предыдущие... обращения относились к определённом событию, из которого меня пытались привести в чувства. К жизни вернуть, так сказать, — последнее предложение было сказано с горькой иронией.

— Как и сейчас я с Вами попробуем вернуть её в нужное и желаемое качественное русло жизнедеятельности, — продолжила девушка после небольшой паузы. — Общая разница невелика, что тогда, что сейчас: цель этих сеансов будет заключаться в попытках пережить цепь событий с пользой для себя и возможности идти вперёд без какого-либо груза.

— С чего Вы решили, что в этом мой запрос? — глядя в глаза спросил я. — С чего Вы вообще решили, что мне нужно идти вперёд и держаться за жизнь, в принципе?

Атанасия перевела взгляд на планшет, где высвечивалось моё «дело», видимо.

— Не думаю, что человеку, решившему свести счёты с жизнью, нужно напоминание о её ценности лишь потому, что он, ну... остался в живых.

Психиатр испытывающе пронизывала меня взглядом, словно в попытках добраться до скрытой для глаз души, а, может, она не ожидала, что своими словами я подтвержу намеренность своих действий.

— Для чего Вы здесь, Тихон?

— Вынужденная необходимость. Либо я прихожу сюда добровольно, либо — доживаю свои дни в ПНД³ уже по-плохому. Разница — тоже невелика, но мне не нравится какое-либо... вынужденное ограничение.

— Могу ли я Вас попросить развить эту мысль?

— Развить?

— Да, Вы говорите, что пришли сюда по необходимости, по принуждению, иными словами, но для чего именно?

— Эм... чтобы отцепились от моей жо... кхм, — нужно соблюдать манеры приличия. — Для сопровождения незваных гостей туда, куда не приглашали. И раз я здесь — на какое-то время останут до следующей своей отчётности. Всё это, — прокрутил я пальцем, обводя пространство вокруг себя. — Мне не нужно. У меня нет вопросов, запросов — как угодно, которыми мог бы поделиться.

³ Психоневрологический диспансер (ПНД)

— Я обязана задавать вопросы, особенно следующий, к которому мы должны были подбаться осторожно, но, раз в Вас не имеется какой-либо заинтересованности, придётся перескочить...

— Я знаю, о чём Вы спросите, — ухмыльнулся я, нагнетая общее напряжение в воздухе. — Но я не буду отвечать на этот вопрос.

— Мне нужно составить отчёт, Тихон, и у меня имеется ответственность перед людьми, что направили к работе с Вами. Если им сказать, что Вы не оставите попыток снова наложить на себя руки — «гости» пожалуют независимо от Вашего желания, где не оставят никакого выбора, кроме вынужденного лечения.

— Очень интересно слышать подобное из уст специалиста, называющего себя психиатром, что какой-либо ментальный недуг поддаётся лечению, — отметил я безжалостно.

Атанасия с сожалением смотрела на меня:

— Горько, что Вы такого мнения, и что жизнь привела Вас к подобной оценке.

— Ну... Вести за собой жизнь — моя ответственность, так что...

Пауза была гнетущей, поэтому я решил прервать молчание:

— Хотите помочь? — решил подбаться я с другого угла.

— Безусловно, — отчеканила та автоматически.

— Формально или по существу?

— К сожалению или к счастью, в моём случае — оба понятия взаимосвязаны.

— Вы можете написать в этом отчёте что угодно, и Вас не притянут ни за что. Вы не несёте ответственность за действия кого-либо, даже во время «лечения», как говорите. Тот, кто ищет решение или выход — всегда найдёт его, пусть даже поздно, чем рано.

— И каково Ваше решение, в чём бы то ни было?

Необязательно было отвечать — нужные слова и без моих потуг витали в воздухе.

— Мне здесь больше нечего делать. В жизни. Я не ценю то, что у меня есть; не получил ответы на вопросы тогда, когда были нужны; не получил нужной поддержки, когда была нужна, в моменте. У меня не осталось ни ценностей, ни убеждений, ни причин, ни сил, чтобы снова прикладывать то, чего не осталось, и во что не верю, в какие-либо способы «поднять меня на ноги». Как и оправдывать мне себя — тоже нечем. Попробую я что-нибудь другое — ничего не поменяется во мне внутри, понимаете?

— Отчего Вы так решили?

— Я бы не стал говорить о том, что не сделал или не пытался сделать, — я приложил руку к груди. — Здесь — только боль, что даже не тлеет, а разгорается всё сильнее. Разочарование, невзгоды, да и вообще всё то плохое, что мы способны прочувствовать и воспринимать... Устал, — выдохнул я. — А мне, я... Нет у меня сил, и нет причин находить их, начинать что-то сначала, когда всё, что у тебя было, всё то, что и характеризуется жизнью — больше существует... Только в памяти, пронизанной болью.

— Как насчёт попробовать найти то, что было утрачено? Оно не будет тем же, да, но оно будет другим, не умаляя ценности...

— Вы не понимаете, о чём я говорю, как и все, с кем пытался поделиться своими переживаниями, — снова не дождавшись, ответил я смиренно. — Если нужно что-то искать — оно того не стоит. К тому же, у меня не осталось даже себя самого, — добавил я.

— Я хочу понять Вас, Тихон, и о чём Вы говорите. О чём Ваша ситуация. Это... это моя работа — пытаться понять и услышать.

— Устал, честно... мусолить эту тему уже очень давно. Бесполезно... Сдаться — тоже решение.

— Но ведь...

— Вы не сможете влезть в мою голову и душу, как бы мы ни старались понять друг друга и быть откровенными.

Атанасия замолчала. Не знаю, о чём она думала в тот момент.

— Что бы Вы ни написали, даже если меня принудительно закроют — это лишь ускорит мой вечный покой. Хотите знать чего хочу? Покой. Вечный.

Она продолжала слушать.

— Я сделал всё, на что хватило, сверх этого — предложить нечего, да и неоткуда черпать... ресурсы? — вспомнил я уместную и не очень терминологию.

Ответа не было.

— Мне не помогли в тот раз, рассказывая всякую чушь о том, что: «это не конец, пока Вы живы, смысл и ценность есть в другом» — и вот всё такое, как прописано в методичке. Но когда я задаю элементарный вопрос, как мне жить дальше, чувствуя вину, боль и всё то, что я им описываю, что я слышу? — спросил я риторически. — Правильно: ещё одно «такое» про: закаление души испытаниями, а смерть так или иначе придёт. Ото всех. Все считают, что подобная форма утешения и поддержки хоть как-то пригодна, ну... ко мне, по крайней мере. Раз уж обо мне идёт речь.

Атанасия сосредоточенно продолжала слушать.

— Хватит, устал. Нашёл своё решение — не приумножать. Не приумножать боль, а мне постоянно больно, понимаете? Для чего ваши... коллеги пытаются использовать какие-либо уловки, убеждая рассмотреть что-то, с другой стороны, когда тебя интересует именно та, на которую смотришь, — раком что ли встать нужно, чтобы расширить кругозор? Но всё это — ложь. То, с чем человеку будет удобно жить, а не с тем, как он воспринимает сам. Вот, как я это вижу.

Взгляд Атанасии выражал и сочувствие, в том числе.

— Не надо так смотреть. Предпочту свои убеждения, честные для себя, насколько бы болезненными они ни были, как и свой опыт, чем такая низость в виде... уловок, что прописывают коллеги Ваши.

— Тихон... — снова попыталась взять слово моя слушательница.

— Если человек не способен быть честным перед самим с собой, кто он, если не трус и лицемер? А я ведь, ещё и мужчина. Как это возможно, чтобы мужчина был и слабым, и мог проявлять свою боль? — высказал я с издёвкой. — Слабость нам нужна ни от кого, кроме мамы, да, нет? А в моём случае — мать не нужна мне самому.

Вновь потемнело в глазах, снова не рассчитав собственные силы.

— Не принимайте на свой счёт. Меня не волнует, какой Вы специалист или человек, — завершил исчерпывающий монолог глубоким выдохом. — Кофе — годится, Вам принести?

— Нет, спасибо большое. Можете взять любую чашку, которая понравится, — сказала Атанасия, заметив моё движение.

— Курить у Вас нельзя? — спросил я, в ожидании готовности напитка.

— К сожалению для Вас — нет.

Я вернулся в кресло, неся чашку в обеих руках. Сил всё не прибавилось.

— Болит? — спросила она с заботой.

— Я не чувствую, да и привык как будто.

Атанасия отложила планшет.

— Вы туда мои шутки записываете? — решил разрядить я напряжённую атмосферу. Но лекарь души лишь ухмыльнулась.

— Могу ли я задать ещё несколько вопросов?

— Я не могу дать гарантий, что отвечу на них.

— Настаивать не стану, даже с учётом того, что Вы рассказали, и с той информацией, что есть у меня. Вы правы, моё влияние ограничено, особенно — когда пациент не заинтересован

в этом сам. Но, в данном случае, как и во всех остальных — я всё же попробую использовать то, до чего смогу дотянуться.

Я не реагировал, давая возможность закончить мысль без моих перебивок.

— У Вас есть близкие люди, те, к кому можете обратиться?

Я неуверенно покачал головой.

Будто и были, но...

Я о них не помню.

— Семья? — продолжала она. — Может быть, обсудить с родителями?..

— У меня никого нет, в том числе тех, с кем мог бы что-либо обсудить, — ответил я содержательно.

— Но у Вас же есть родители?

— Формально — да, но они совсем не те люди, с кем я бы хотел и мог обсуждать что-либо.

— Могу ли я узнать поподробнее о Ваших взаимоотношениях?

— Нет, — категорически отмёл я.

— Друзья, коллеги — кто-нибудь?

— Кошка, — неопределённо пожал я плечами. — Что зла и разочарована мной, — напомнил я себе.

— Есть причины Вашей оценке?

— Я запер её, пока делал продольные... то, что делал, как считаете?

Атанасия молчала.

— Благодаря или из-за неё я выжил.

— Каким образом?

— Не спрашивайте. Разве этого нет в моём деле?

— Только отчёты медицинской бригады, что нашла Вас, но о том, кто их вызвал — ни слова. И... Данные первичного осмотра дежурного специалиста.

— Дежурного специалиста?

— Психиатра, — уточнила она, подняв на меня взгляд. — Не помните?

— Я был без сознания около тридцати часов, как мне сказали, — покачал я головой, пытаюсь вспомнить хоть что-то.

— Вот как, — выдохнула Атанасия. — Многое объясняет.

— Например?

— Например, что Вас выпустили из больницы лишь с подозрением на... — запнулась она. — На то, что произошло.

— Шаурма, — всплыла у меня картинка в памяти.

— Прошу прощения?

— Та девушка, фельдшер, угостила меня шаурмой, когда я очнулся в их машине... Не важно, просто вспомнилось.

На какое-то время кабинет погрузился в тишину. Атанасия первая прервала молчание:

— Расскажите, если имеется возможность, о своих краткосрочных планах?

Я снова выдохнул, на этот раз потому, что какие-либо думы даются с трудом и сопротивлением. Да и о чём думать, когда сознание существует где-то далеко от себя.

То, что от него осталось.

— Хотя бы для понимания, о чём я могу написать в отчёте.

Я ухмыльнулся:

— Разве Вы не укажете о том, что я всё для себя решил?

— Я хочу помочь, Тихон, мне важнее, и как врачу, и по-человечески, сделать всё, что в моих силах. Профессиональный долг, если угодно, — закрепила она свою позицию. — Если Вас беспокоит или смущает, что какие-либо формальности усложнят Ваше положение, то мы можем отодвинуть их в сторону.

— Усложнив работу Вам?

— Нет. Вы правы, никто не хватится в этот же день, когда и если вышестоящие органы прочтут то, что я им отправлю. Пусть это и моя обязанность.

— Как же мне повезло, — горько отметил я. — Дважды.

Я попытался связать воедино то, что слышу, и то, о чём пытаюсь думать.

— Ничего в голову не приходит, — ответил я обречённо. — Стало сложнее, ну, просто думать о чём-то.

— У нас достаточно времени — столько, сколько потребуется.

— Зачем Вам это?

— Я хочу помочь, — повторила слушательница. — Я верю людям на каком-то глубинном уровне, не только профессиональным восприятием, как бы комично это не звучало для Вас, — заметив мою снисходительную улыбку, добавила она. — Да, возможно, Вы сейчас не в лучшем состоянии и положении, но и на мертвеца не похожи.

— Я не верю в то, что смерть задаёт какие-либо очертания или намёки, — ответил я. — Чаще приходит негаданно и незаметно.

— Красивая версия, но не ко всему применимая всё же.

— К тому же, — продолжил я. — Я уже это сделал, не думаю, что в тот момент, посмотрев на меня, кто-то мог предположить, что видит перед собой мертвеца.

— Я лишь озвучиваю то, что вижу сейчас. Там меня не было, чтобы подтвердить или опровергнуть Ваши слова.

Я снова вздохнул.

— Подумать... — сказал я. Атанасия вопросительно вскинула голову. — Ответ на Ваш вопрос — подумать. Вот что дальше.

— Не поделитесь, о чём?

— О том, что дальше, — пожал я плечами в предположениях.

Атанасия подвинула к себе планшет и начала что-то на нём печатать, параллельно задав вопрос:

— Не возражаете, если я буду производить некоторые записи?

— Как угодно. Вы — врач, Ваш кабинет — Ваши правила... Но на анекдоты и шутки я закрепил авторские права.

— Мне очень откликается Ваша позиция.

— Вы в обычной жизни так же разговариваете?

Она вновь вопросительно посмотрела на меня.

— Ну, по-психологически, — подбирая слова, уточнил я.

Атанасия непринуждённо и легко засмеялась.

— Надеюсь, нет, но никто не жаловался.

— Главное, чтобы было кому.

— Мм?

— Не обращайтесь внимания. Я падок съязвить.

— Юмор — это хорошо и не наказуемо, а даже одобряемо, не беспокойтесь... Даже если он пассивно-агрессивный.

— А предпочтения в сексе зависят от юмора или наоборот? — решил я поддаться соблазну съдиотничать и поддержать прорвавшийся вопрос.

— Поясните, пожалуйста? — отвлеклась она от устройства.

— Вы сказали пассивно-агрессивный, а мне нравится, когда она в позе наездницы... Ну да ладно, — виновато выдохнул я, на что мой вынужденный собеседник широко, но смущённо улыбнулся.

— Такой информацией я не располагаю, но очень интересная тема для рассуждения, Тихон.

Она отложила планшет, откинулась в кресле и продолжила смотреть на меня.

— Утомились?

— Да... давно ни с кем не вёл продолжительные беседы.

— Могу узнать причину?

— Не с кем, да и не хочется, — ответил я честно.

— У Вас бывают моменты, когда хочется выговориться?

— Как и у всех.

— И как Вы реализуете возникающие позывы, если ни с кем не взаимодействуете?

— Рисую, думаю, слушаю музыку. Просто перенаправляю на то, что могу.

Слова остались витать в воздухе.

— Раньше помогала мастурбация, п-прошу прощения, конечно, когда было какое-никакое либидо, — нисколько взаправду не смутившись, дополнил я.

— А сейчас?

— Уже давно нет.

Атанасия вновь задумалась.

— Вы знаете, что с Вами, не считая текущего состояния, что мы обсуждаем?

— Да, мне сказали о какой-то хронической форме депрессии, со всеми остальными непонятными словами, что ей свойственны. Целый список предоставили на ознакомление.

— Он у Вас остался?

— Список?

Она кивнула.

— Нет, я выкинул его в тот же день.

— Почему?

— Чем мне поможет эта информация? Ну, узнал я, что со мной, а дальше?

— Не поделитесь, когда это произошло?

— Чуть меньше года назад.

— А до этого Вы чувствовали то, с чем пришли в терапию в прошлый раз?

— Я... не знаю, оно никогда... никогда не болело и не доставляло неудобств. Как я и сказал, в прошлый раз я пришёл из-за определённого события, а не своих особенностей.

Пауза была выдержана недолго и уже ощущалась легче.

— Вы и не планировали помочь себе в тот момент, как обо всём узнали, верно? Или обратиться за помощью?

— Планировал, только не так, как представляется общепринято.

Я перевёл взгляд в окно, допивая остатки напитка.

— Благодарю.

— Можете положить в сторонку, чтоб не отвлекала.

— Я бы предпочёл не оставлять за собой какой-либо беспорядок, — сказал я, грузно и обессиленно поднимаясь с кресла, в направлении двери уборной.

Вымыв чашку и неуверенно положив её на место, я хотел было завершить встречу, но Атанасия, уловив мои намерения, опередила меня:

— Почти закончили, — жестом приглашала она меня вновь занять кресло.

Вернувшись, я провёл пальцами по векам и вновь почувствовал влагу на пальцах.

— Я плакал? — спросил я самого себя.

— Некоторое время назад, когда дали волю своим эмоциям и мыслям, — подтвердила мой ситуативный компаньон. — Вы не почувствовали?

— Нет, — ответил я. — Перестал замечать в последнее время.

— Могу ли я дать некоторые рекомендации? — послышалось после некоторого молчания.

— Как и с вопросами — я не дам гарантий, что последую им.

Атанасия улыбнулась и продолжила:

— Попробуйте вести дневник.

— Дневник? — засмеялся я и закашлялся от неожиданности.

— Доводилось когда-нибудь вести какие-либо записи?

— Нет. Да и зачем, когда можно напечатать... Только не говорите про мелкую моторику или туннельный синдром...

— Дневник — один из способов в выражении мыслей и чувств, как один из инструментов в терапии и элемент творчества, искусства. Раз уж нет возможности разделить своё состояние... себя, с кем-либо, по тем или иным причинам, может, перенеся их в письмо, Вы сможете взглянуть на них по-другому?

— Чтобы... что?

— Подумать о том, что дальше, — отозвалась моими словами Атанасия. — Мысль должна обрести форму и слово, если не через рисование, музыку, алкоголь или то, чем Вы обычно пытаетесь их воспроизвести, то хотя бы через письмо.

— ... Я подумаю. Не знаю, о чём могу и хочу писать, — озвучил я после некоторого анализа.

— О чём угодно, — предложила она. — Считайте небольшим домашним заданием... да и мелкая моторика положительно влияет на мозг, — она явно ждала возможности упомянуть об этом.

— Очень мило, — поднимаясь с кресла, выдавил я. — Спасибо за время, что уделили.

— Я с Вами свяжусь, чтобы обсудить следующий сеанс.

— Когда?

— Когда придёт время. Как и Вам — мне нужно подумать, а Вам — придать чувство ответственности, — подмигнула мне в упор обеими глазами при последнем предложении Атанасия.

— Ясно, но утруждаться ни к чему.

— Не сочтите за грубость, но в том, что касается меня и моей роли — мне и решать.

— Как угодно. Телефон у меня в беззвучном режиме, и намеренно проверять его на уведомления я не буду. Не бейте в колокола, если отвечу не сразу, в худшем случае — я всего лишь буду мёртв, — со смиренной улыбкой предупредил я.

— Я запомню, спасибо, что упомянули.

Насколько возможно, я оперативно собрался и направился к выходу, когда Атанасия окликнула меня:

— Тихон? — обратилась та.

— Да?

— Вы здесь, я Вас вижу и слышу, а это значит, что Вы есть, и всё ещё живы.

— ... Может, это всего лишь моя предсмертная агония. Или чистилище, — предположил я.

Атанасия Димитриевна с нарочитым укором взглянула на меня:

— А может, мне не нравится, когда мои деньги и стаж умирают на глазах. Пусть это и деньги государства. Вот и стараюсь всячески Вас удержать, Тихон.

Выражение её лица не дало мне понимания, было ли шуткой её замечание или нет.

Как бы то ни было — улыбнулся я искренне и с благодарностью.

Хотя бы за честность.

— И ещё момент, — решил я.

— Конечно.

— Вам... Вам часто приходит ощущение, при работе, что Вы в одном из эпизодов «Сопрано»⁴ или только мне навеяло подобное сходство?

— Я... не смотрела этот сериал, прошу прощения.

— Завидую.

— Настолько хорош?

— Лучший, — не задумываясь ответил я.

— А... Как Вы думаете, с каким персонажем Вы бы могли себя ассоциировать?

— Вы ведь не смотрели...

— Вот и будет мне стимул для вечернего времяпровождения.

Я задумался.

— Кристофер.

— Поделитесь причиной выбора? В двух словах?

— Ну... Он старается, но...

— Но?

— От него одни проблемы. В первую очередь — от и для себя самого... Всего доброго, — попрощался я.

— До встречи, спасибо!

⁴ «Сопрано» (The Sopranos) — культовый американский драматический телесериал, созданный Дэвидом Чейзом и транслировавшийся на канале HBO с 1999 по 2007 год. Сюжет сосредоточен вокруг Тони Сопрано (в исполнении Джеймса Гандольфини).

Десятое мгновение

«Давление?»

Выйдя на подмёрзшую улицу, я не знал, куда пойти дальше, да и что делать, в принципе. В компании сигареты я невольно вспомнил, как бродил по продуктовым или, в целом, по магазинам — бесцельно, чем по надобности.

Всегда нужно чем-то себя занять, в каком бы состоянии ни находился.

Когда-то психологи связали данное явление с какой-то особенностью тревожного характера, свойственного мне.

Или это был психиатр — не важно. Смысла больше не становится, как и причин думать, будто это какая-то проблема — занять себя чем-нибудь, и необязательно общественно или лично полезным.

В моё же случае, как минимум, дома не было алкоголя. Чем не повод побродить по магазину?.. Магазином.

Давно не заходил в «Азбуку вкуса», особенно целенаправленно. Но деньги, как и финансовая составляющая, в целом — потеряли прежнюю опору и ценность.

С собой я не унесу ни копейки, а то, что есть — не нужно никому, кроме меня.

Но не настолько, чтобы разом потратить их на виды благих дел.

Обойдутся.

Нуждающиеся намного богаче меня хотя бы потому, что там, где нужда — там и тяга к жизни, а где жизнь — там и надежда.

А не заходил я сюда, потому что до сих пор свежа травма, где за двухсотграммовый лоток с салатом Мимоза выдвинули ценник в семь долларов. Семь долларов за салат, являющийся одним из культурных кодов Родины и стран СНГ, в целом. Да, он был с красной рыбой, но... мать вашу, двести граммов за семь долларов.

Обнаглевшие — обнаглели.

... Или я выбрал не ту профессию. Магазин ведь не виноват, что я не могу позволить себе... Нет, ну вы видели? Двести граммов за семь долларов!

Итак, вино, игристое, настойки, ликёры, какое-то неопределимое пойло, и ещё одно, и ещё — и так до конца всего питейного ряда.

На глаза попала вывеска с бытовой химией.

В памяти всплыли истории о тех, кто решался на последнее, самое страшное — и умирал в невыносимых муках. Как раз с помощью...

Мозг лихорадочно цеплялся за поток мыслей, кои в последнее время редко составляли единую цепь.

Продлить агонию или избавиться от неё навсегда?

... Навсегда.

Я всё смотрел на средство для чистки труб, так и не вспомнив до конца дня о том, о чём говорил со психиатром, как и о самой сессии, в принципе.

Словно подгадав момент, у меня заиграла одна из песен прошлого — «*Perry Kills*» — «*Everything at once*».

Но снова не вспомнил, с чем или каким событием она была связана.

В этот раз, с учётом предыдущих просчётов — подготовился получше.

Матильда спокойна и, даже если почувствовала что-либо, — безучастна.

Тем лучше.

Не могу представить, каким на вкус может быть средство для чистки труб.

Химическим?..

Каков гений интеллектуального развития.

Я стоял в ванной, держа наготове бутылку в руках и... Представил, как оно обжигает всё изнутри, и... А если, не получится?

Может быть — по-другому?

Впрочем...

...

Ёбаный-в-рот-ёб-вашу-мать-блять.

Будто сам дьявол вывернул мне рот наизнанку. Жжение пронеслось по черепу, гортани, животу, словно я проглотил раскалённый лом. И то, что я едва не выпил, — оказалось расплесканным, как из брандспойта, по всей ванной.

Не такую смерть я себе представлял, судорожно вспоминая, где и был ли у меня сорбент, чтобы промыть всё, с чем соприкасалась химия.

Привалившись к стульчаку унитаза и оперевшись в него локтями, я сидел и курил, в попытках прийти в себя.

Получалось не очень, привкус всё ещё отвратительный, и сигарета — нисколько не способствовала улучшению.

Дверь в ванну была нараспашку, и в неё заглянула Матильда, по глазам которой читалась весьма прозаичная и конкретная оценка и мне, и моим действиям.

И, сродни всем кошачьим, я издавал звук, похожий на изрыгание шерстью.

А если внутривенно?

Плохая идея, мне не нужна такая боль... хотя бы не физическая.

Хотя бы не долгая.

Придя в себя и взглянув на бутылку, я решил, что негоже пропадать добру, и промыл все трубы, что были дома.

Надо думать дальше — и мысль сопровождалась кошачьей... эруктацией.

Только её источником был я, а не Матильда.

Господи, какая гадость.

Таблетки! Ну, конечно. В квартире скопилась целая коллекция: от стимуляторов до тяжёлых транквилизаторов, от снотворных до нейролептиков — всего, что обычно ставит на ноги, а меня — должно было свалить окончательно. Я не считал дозировку — просто запил вином и повторил процедуру ещё несколько раз, пока не перестал чувствовать собственные пальцы.

Дело сделано — и бутылка выпита полностью. Чувство опьянения не приходило, видимо, из-за шокового состояния организма, что пытается переварить таблеток больше, чем даже самый нездоровый человек способен принять за всю жизнь.

Пока никакого эффекта, а переходить в мир иной трезвым — я не намерен.

Взяв следом ещё пару бутылок вина и ликёра, я направился в комнату, а точнее — в кресло.

Матильда на своём месте спит сладким и безмятежным сном, свернувшись калачиком. Еды и воды у неё вновь было более чем достаточно.

Я хотел было её прикрыть чем-нибудь, но перестал чувствовать собственное тело, не говоря уже о возможности совершить какое-либо движение.

Пробираясь в рассуждениях, всё ли я оставил после себя в достойном и упорядоченном виде: письма, завещания, банковские реквизиты, Матильда, люди, что я знал, квартира, техника, мебель... всё ли учёл?

«Интересно, а лобковые волосы Медузы Горгоны — тоже змеи?»

Ошарашенно я вытаращил глаза от неожиданно возникшей мысли. Как подобное может прийти в голову?

Вероятно, какая-то часть препаратов начала действовать. Мне остаётся лишь ждать, череду сигарету и выпивку.

Разве перед смертью жизнь не проносится перед глазами?

По-моему, есть теория о «семи минутах», когда мозг, в тщетных попытках удержать сознание и жизнь, в последние мгновения, начинает цепляться и вспоминать все её памятные события. Защитный ли это механизм или природный анальгетик в облегчении участи умирающего организма — никто не знает, ведь...

Ну, мёртвые не подтвердят и не опровергнут подобное предположение.

Мало ли, какие остаточные импульсы остаются в мозгу и о чём они.

В моём же случае — и тридцати секунд не наберётся для воспроизведения чего-то «памятного» или важного.

Но разве Смерти есть дело для чего-либо, когда приходит её время или это агония жизни, в попытке сохранить себя?

В любом случае, Морана просто приходит — и забирает.

... Что-то происходит — я неестественно расслаблен, поникший, и шея не в состоянии держать голову ровно.

Вот он, тот самый момент, к которому подобрался аж с третьего, сука, раза.

Я перестал чувствовать не только конечности, но и всё тело, в принципе. Бутылка и тлеющая сигарета поочередно рухнули на пол. Сердце неистово колотится, глаза окутались пеленой тьмы; затем пропал слух, дышал я хрипло, словно задыхаясь, и каждый следующий вздох — мог стать последним.

От колотящего сердца грудь вот-вот разорвёт на части.

Ещё чуть-чуть, и вот она — неотвратимая тьма. Я вижу и чувствую её, она тянет к себе. Она примет меня полностью в свои объятия, в свой вечный путь...

Из тела раздался щелчок, словно вынули пробку из ванной.

Спустя мгновение содержимое всего тела вышло из пяти отверстий в теле.

Напор рвоты, вперемешку с желчью, вином и не переваренными таблетками залил и холст, и мольберт, и всё в радиусе своей досягаемости.

Задыхаясь и отплёвываясь, я покатился с кресла. Не в силах контролировать туловище, я остался лежать в луже собственной рвоты, попутно обделавшись и опорожнив мочевой пузырь.

Очнулся я в середине следующего дня. Первое, что заметил взгляд — сидящую возле головы и глазающую на меня Матильду. Чудовищный и затхлый запах трёх агрегатных состояний продуктов человеческой жизнедеятельности вдарил в нос.

— Не сдох. Снова не сдох, — не веря в происходящее, шокировано и разочарованно произнёс я. — Такого быть не может!

Делать было нечего, а запах и остальные элементы, оставшиеся на мне и вокруг, вьёвшись в ковёр — никуда не исчезнут, пока я продолжаю лежать.

Нет, это Чистилище, а самый настоящий и полноценный Ад.

— Пиздец, — в сердцах и недоумении только и озвучил я.

Сколько попыток требуется, чтобы Смерть обратила на меня внимание?

Устранив нанесённый ущерб, я решил залакировать высохшую рвоту на холсте.

Чем не искусство?

«Разворот Дарвина в гробу» или «Тупой, но идеи тупее» и, мой фаворит, «Дурак и Жизни был не мил, и Смерть его не принимала».

Жаль было только трусы, штаны и несчастный ковёр, что не заслужил такого отношения с бесконечно бросаемыми в него окурками и разлитым вином, в качестве финального штриха кистью.

Кистью в руках идиота.

Без последствий для организма всё равно не обошлось: чудовищная слабость, жидкий стул и доселе неизвестный мне горький привкус, что оставили после себя все виды лекарств, безуспешно выпитых мною.

Ах да, я ещё и без аптечки остался. Счастье-то какое.

Если вчера я мог кое-как держать под контролем своё тело, чувствовать его, то сейчас — я даже ровно стоять не могу, не раскручиваясь вокруг оси своего тела, не говоря о том, чтобы держать что-то в руках.

Только с пятой попытки я смог донести телефон до стола, удерживая его в обнимку у груди.

Девочки писали, надо было что-то ответить. Анаста... Атанасия — молчит.

Я так и не открыл те сообщения, что были присланы мне после первой «смерти».

И нужно было заново собирать аптечку, а я даже вспомнить не могу, что в ней было.

Кое-как собравшись и дойдя до аптеки, только на этапе оплаты я подумал о целесообразности её наличия, в принципе.

Зачем мне аптечка, если я хочу умереть?

Нужно было думать дальше.

Дом, в котором я живу — довольно высокий, почему бы не дать гравитации возможность проявить себя в полной мере?

Даже мой страх высоты... страх упасть — не стал сопротивляться данным размышлениям. Чем не ирония жизни — взглянуть в лицо собственным страхам?

Доступ на крышу был свободным для жителей комплекса.

Ещё раз убедившись, что необходимые приготовления были выполнены, не оставив после себя никаких проблем и вопросов, я забрался на крышу с неизменными спутниками: бутылкой и сигаретами.

Я не обращал внимание на своё состояние, ведь, если бы не маниакальная фиксация на попытках уйти из жизни, с учётом всего того, что опробовал на себе — моё место за реанимацией или в палате интенсивной терапии, по соседству с палатами для душевнобольных, прости Господи.

Тело даже не ломало, оно ощущалось как желе, что пытаюсь удержать на скелете.

Я выхожу и дверь чуть не вышибает меня обратно, ветер разрывает всё вокруг своими ураганскими порывами, будто недовольный моей нерешительностью.

Надо было посмотреть на прогноз погоды, чтобы?..

Вопрос остался открытым и застывшим в чертогах разума.

Найдя более-менее прикрытый частью козырька уголок, или это был не козырёк, — не важно, я сел под него так, чтобы не промокнуть насквозь, во время финальной, четвёртой, блять, рефлексии относительно жизни.

Ну и промокшую сигарету — не покуришь, в конце концов, а разбавленное дождём вино драматично смотрится лишь со стороны, но никак при употреблении вовнутрь.

И снова — ничего. Никаких мыслей, лишь надежда на конец.

Лишь бы получилось в этот раз, несмотря на абсурдность наличия каких-либо сомнений, однако, при четвёртой попытке — они более чем оправданы.

Если только не обнаружу в себе способность к полёту на пердящей тяге.

Всё было скурено и благополучно выпито, о чём бы я пожалел, будь живым, так как пищеварительная система и организм, в целом, преисполнены ненависти и протестом к их носителю после предыдущих пируэтов.

Но это не важно, больше ничего не важно.

Ветер силён, и ливень застигает собой весь горизонт.

Да и ладно, смотреть не на что — насмотрелся, да и ни к чему.

Забравшись на выступ, я попытался встать в полный рост. Скользко, и чувствую... страх. Мне страшно, но это закончится. Всего лишь шаг, шаг вперёд.

Неожиданно ветер стих, но дождь продолжал свою симфонию.

Остаток сил я направил на то, чтобы встать ровно, тень улыбки прошла по лицу, когда выставил ногу вперёд.

Ещё немного.

И ещё.

Страшно, очень страшно.

Стоило мне поддаться вперёд, как чудовищный поток ветра отшвырнул меня — и мир на мгновение погас.

Голова разлилась теплом, пробирающимся вниз по шее. Ощупав рукой и посмотрев на пальцы, я различил на них кровь.

Неприятно, но если то был смертельный приклад о макушку — посижу и подожду, пока «топливо жизни» вытечет полностью.

И всё-таки я промок насквозь, но чувствовал, что кровь идёт недостаточно быстро, да и не в таких количествах, а сам удар — явно не смертельный, чтобы повлиять на результат.

Надо было смотреть прогноз погоды.

Меня отшвырнуло не от смерти, меня отшвырнула сама жизнь.

Растворившись в пространстве, я думал о том, что даже с четвёртой попытки не могу умереть. Я не смогу вновь подняться на выступ и сигануть. Сил нет, и вся крыша находится в углублении, с каждой из сторон.

Блядство-то какое.

Почему я не умер от таблеток? Почему я не могу умереть сейчас? Да как я вообще мог выжить при первой потере крови?

При всём этом — как ещё держится организм, не самого крепкого и здорового склада?

Это шутка, это просто какая-то и чья-то злая шутка...

Я снова потерял сознание. Очнулся лишь от резкой боли — кажется, меня сильно хлестнули по щекам и сдавливали плечо, после чего, буквально вылетел из небытия обратно в реальность, как пробка от шампанского.

Резким движением я начал озираться по сторонам, сопли и слёзы полились в этот раз не в порыве душевного расстройства.

— Какого хрена?! — как ужаленный вскрикнул я. Перед глазами очертились несколько силуэтов.

— Голову немного поверни, промоем, — заявил голос, который будто уже слышал раньше.

Ошарашенный от спокойного тона, отдышавшись и подчинившись, я принял нужное положение, достав из кармана сигарету. Буря стихла, пока я был без сознания.

— Пару минут не потерпишь? — донёсся тот же тембр.

— Нет. Откуда вы взялись?

— А ты что в ливень забыл на крыше? — спросил другой голос, но уже знакомый. Это был наш консьерж.

— Любовался дождём, — ответил я с претензией.

— А то из окна квартиры не насмотришься.

— Тебя вообще жизнь чему-то учит? — третий голос, уже женский, внёс наперебой своё замечание. Я узнал и его.

Фельдшер. Она поднесла зажигалку к моей сигарете, после отчаянных попыток зажечь своей.

— Спасибо, — поблагодарил я.

Зрение прояснилось, и я мог разглядеть своих спасителей.

— Как вам повезло наткнуться на меня во второй раз...

— Помнишь нас? — спросила девушка.

— Да, вспомнил шаурму на днях, — выдохнул я.

— А ты время зря не теряешь.

— Да не дёргайся ты, — строго велел мужской голос, твёрдой рукой проводя манипуляции.

Раствор жёг рану, я поморщился.

— Подуть на твоё бо-бо? — нарочитым сюсюканьем проговорил мужской голос.

— Да в жопу себе дунь, ехидна нашатырная, что ты докопался? — не выдержал я.

Все трое прыснули.

— Ладно, повернись, — более дружелюбным тоном попросил тот включив фонарик и направив свет на зрачки. — Мозг в порядке, — зафиксировал тот.

— Это как посмотреть, — съязвил уже я.

— Следи за пальцем, — пропустив мой комментарий мимо ушей обратился он. — Да, всё нормально.

— Как вы меня нашли? — спросил я.

— У нас же камеры стоят, не забыл? — ответил консьерж. — Смотрю — на крышу зашёл, в уголке где-то сидел, значит. Ну сидит, думаю, грустит о своём — с кем не бывает. Отвлёкся, и через какое-то время краем глаза заметил, что ты откуда-то упал и исчез. Я сразу в скорую, подумал, что с крыши сиганул, смотрю — тела нет, значит, так и остался на крыше...

— Вот это дедукция... Сколько времени прошло? — спросил я.

— Минут с 20 назад случилось, что ли.

Я перевёл взгляд на фельдшеров:

— Как вы умудряетесь быть рядом в нужное время и в нужном месте? — спросил я риторически, скорее.

— Не намеренно, делать нам больше нечего второй раз вытаскивать тебя с того света, — невозмутимо заметила девушка.

— Вы-таки знакомы? — удивился консьерж.

— Да, второй раз за неделю попадается, — ответил мужчина.

— Так ты чего не в больнице, если хвораешь?

— Спасибо за помощь, — прервал я поток напутствий и вопросов, потушив сигарету.

— Кидай в бутылку, я выкину по дороге. Давай-давай, — подогнал он увидев моё недовольство, и начал удаляться обратно в здание.

— Я не немощный, за собой уберу и сам... — не успел я договорить, пока не обратил внимание, что сию укутанный пледом.

— Это мы. Подарить не сможем, — сказала девушка, наблюдая и за моими действиями, и снимая на видео вид, открывающийся с крыши.

— Немного голова «постреляет» и пройдёт... Наверное, — заключил её коллега, складывая вещи в сумку. — Встать сможешь?

Я не ответил, пытаюсь сделать хоть какое-то усилие для того, чтобы тело начало поддаваться даже самым простым командам.

«Наверное» — вот так врач.

Наблюдая за моими попытками, фельдшеры с двух сторон осторожно подняли меня за руки.

— Просить о помощи — не стыдно, — озвучил глубокую мысль мужчина. — Стыдно усложнять жизнь себе и другим неспособностью открыть рот в нужный момент.

— Нет, но не факт, что помогут. Особенно, когда это нужно больше всего.

— Разве то, что происходит сейчас — не помощь? — спросила фельдшер... Фельдшерша? Фельдшериха?... Господи.

— Я о ней не просил, — ковыляя до двери ответил я. — ... Спасибо за помощь, — добавил, почувствовав благодарность и думая о том, что так и лежал бы, прислонившись к стенке.

— Работа такая. Донесём, не переживай, раз уж с того света умудрились вытащить... Я — Маша.

— Приятно познакомиться, Мария. Вы дважды вытащили меня из задницы, в которую по собственной глупости и попадаю.

— Главное, как и с чем ты оттуда выбираешься, — запыхаясь ответила она.

— С дерьмом, — с усмешкой добавил я.

Все трое крякнули в смешке.

— Какой этаж? — спросил второй фельдшер без имени.

— Вы ведь у меня были, — подметил я.

— Ты у нас единственный пациент, что ли?

— 23-й... — ответил я не в силах препираться, сползая по стенке лифта.

— Держим, не переживай, — посмотрел на меня он. — Августин, — добавил фельдшер, отвернувшись к створам. — А тебя вроде... Тихон?

— Нет, меня зовут Гондон, — усмехнулся я своей же шутке и абсурдности ситуации.

— Что? — спросил Августин.

— На днях узнал о существовании имени Атанасия, а теперь ещё и Августин. У нас дефицит в славянских именах образовался или какие-то новые лингвистические санкции?

— Или у чьих-то родителей избыток в оригинальности.

— Да это неплохо, — пытаюсь удержаться в сознании ответил я что-то. — Зато ни с кем не спутаешь, по крайней мере в наших краях.

Лифт остановился и сопровождающие с выдохом вновь взяли меня под руки.

— ... Извините, вы могли бы отдохнуть или обратить внимание на случаи куда более важные, чем то, во что втянулись со мной.

— С чего ты решил, что твоё здоровье менее важно? — в шаг к слову проговорила Мария.

— Оно не важно для меня.

— Ключи?

— Да, момент, — выйдя из-под хватов и оперевшись к стенке ответил я, доставая связку ключей.

— Давай сюда, — протянула руку Мария. — Осталось чуть-чуть.

Я передал их ей и снова начал сползать по стене. Августин успел подхватить меня и провёл в квартиру.

Переступив порог нас встретила Матильда, Мария подплыла навстречу к ней:

— О, привет, облачко! — осторожно подступая и протягивая руки поприветствовала ту Мария. — Я так рада, что ты в порядке, — взяв в охапку явно не ожидавшую гостей Матильду добавила она.

Бусинка нисколько не сопротивлялась и с удовольствием принимала ухаживания от незваной девушки, пока Августин, взяв меня под плечо, тащил до кровати.

Уложив меня и выдохнув, он обратился к своей коллеге:

— Маш, посмотри в шкафах какую-нибудь сухую одежду и полотенце, я пока раздену его.

— Да, сейчас, — ответила она, нежно спустив Матильду на пол.

Та подбежала в сторону кровати, где лежал я, и принялась наблюдать за происходящим.

— Меня ещё никогда не раздевал мужчина, — заметил я, сглаживая неловкость. Мою неловкость — точно.

— Если у тебя был отец или дядя, или старший брат — те наверняка меняли пелёнки, пока ты ходил под себя. И не обольщайся, здесь не свидание, — ухмыльнулся стягиватель одежды. — Не хочется приезжать ещё раз из-за подхваченной тобою пневмонии или какой-либо инфекции.

— Не беспокойтесь, надеюсь, больше не будете иметь со мной дело... Только в больницу не везите, пожалуйста, а то... з-забали, — взмолился я.

— Ты их тоже, поэтому и не отправим, не тот случай. Но, если продолжишь в том же духе, то вызовешь куда больше подозрений у людей, вроде консьержа. Не усложняй себе жизнь, раз уж не получилось после нескольких попыток попрощаться с ней, — безучастно высказался Августин, снимая с меня прилипшую от ливня одежду.

Ничего не ответив, я был совершенно гол, когда Мария снова зашла в комнату и, заметив моё стеснение и попытку прикрыться, лишь закатила глаза:

— Ты серьёзно думаешь, что передо мной не было голых мужчин? За некоторыми и некоторых отмывать приходилось.

— Это просто рефлекс, мне ведь такая ситуация... не привычна, — оправдывался я.

Мария осматривала комнату, пока Августин протирал меня не самым заботливым и гуманным образом.

— Ты художник? — спросила она.

Я кивнул в ответ.

— Этюды или пленэры практикуешь? — продолжала та.

— Всего понемногу. — Августин скинул полотенце на собравшуюся влажную кучу одежды и стал натягивать на меня пижаму.

— А ню? — кокетливо и непринуждённо продолжала любопытствовать фельдшер.

— Маш, — обратился к ней коллега. — Давай собираться.

— Было дело, — ответил я едва разборчиво.

Августин выпрямился и снова полез в сумку, вытаскивая поочерёдно пластины с таблетками и блокнот. Подойдя к столу и облокотившись на него, он начал что-то в нём писать, когда зашипела рация и из неё прозвучал голос, который я тоже будто слышал раньше:

— Август, приём, как обстановка? — задал вопрос его невидимый мною коллега.

— Заканчиваем, без госпитализации, просто головой стукнулся и небольшое переохлаждение, через пару минут выйдем. Приём и отбой.

Мария тоже решила что-то написать, я держался из последних сил, чтобы не отключиться до их ухода.

— Спасибо за... всё, — увядающим голосом только и сказал я перед тем, как предаться забвению.

Одиннадцатое мгновенье

«Стабилизируем!»

Очнулся я, видимо, в середине следующего дня. Голова была чугунной, но не болела.

И рана покрылась корочкой, которую я с лёгкостью отковырял.

На тумбочке лежали две записки, одна из которой была прикрыта несколькими блистерами с лекарствами. Весьма уместно, с учётом заново собранной аптечки накануне.

А, может, это было и не вчера...

Подтянув к себе Августовскую... Августиновскую?..

Блять.

Неважно, — я с усилием прочёл содержимое. Господи, спасибо его способностям к разборчивому почерку. Ничего особенного, лишь рекомендации по приёму таблеток и общие советы по поддержанию здоровья.

Другая, от Марии, гласила следующее:

«Мне понравилась твоя кошка. Погладила её на прощанье, а это — мой номер на случай, если ещё чего удумаешь и понадобится вызвать врача. Думаю, немного упростит жизнь, в твоём случае.»

P.S. Не обольщайся и не подумай ничего лишнего, предлагаю лишь из-за кошки, не могу больше смотреть, как домашние теряют своих хозяев, оставив тех ни с чем. Неси ответственность за свой выбор перед живым организмом».

Далее — был указан её номер.

Потянувшись за телефоном и, снова не удержав его в руках, я положил его рядом с собой и вбил номер в список контактов.

Как минимум — из чувства благодарности, иная другая причина была связана с тем, что хотелось бы их отблагодарить за помощь.

Хоть той же шаурмой.

Никто не обязан нянчиться со мной и прибегать по первому зову, а её команда — уже второй раз за последнюю неделю (подумать только, прошла всего неделя!) оказывается рядом.

Выпив необходимое количество таблеток и подавив рвотный рефлекс, я почувствовал, будто прибавились силы, а значит — надо было думать дальше.

Я проверил уведомления на телефоне — ничего необычного и никто за меня не хватается.

Меня это устраивало.

Плед, в который заботливо или по необходимости укутали, фельдшеры забрали с собой.

Не знаю, почему я обратил на это внимание.

Пока крутился барабан в стиральной машине, закручивались и мои мысли, попутно предаваясь... не знаю, обед или ужин это был, — просто приём пищи. Нашёл, где усложнять.

Только совесть гложила меня от того, что вовлёл людей в свою ситуацию. Они тут ни при чём, никто не должен, и я бы не желал разделять такую ответственность с кем-либо, особенно усложнив им жизнь.

Пусть они и не согласны с моей позицией.

Я снова опустил в кресло, после всех выполненных хлопот, пытаюсь собрать в единый механизм те шестерёнки, что никак не образуют цельную мысль.

Хотя бы о чём-нибудь.

У меня осталось два варианта: пустить пулю в голову, либо, внезапно озарившая меня идея — отправиться на войну, мерещащуюся во снах.

Второй вариант сложнее всего в реализации, засим — остановлюсь на первом. Ни к чему брать грех на душу, когда имеется куда более гуманная альтернатива. А чем избавление себя от мук не её высшее проявление?

Пусть и следуя отчаянию, трусости и слабости.

И где же мне раздобыть оружие?

—ВНИМАНИЕ—

—СИГНАЛ—

—ЭФИР—

«Внимание! Сегодня, 27 ноября 2025-года, так называемый “Совет по науке и безопасности” перевёл стрелки “Часов Судного дня” на положение 23 часа 59 минут и 20 секунд, что является самым максимальным показателем приближения неминуемой угрозы уничтожения мира в результате...»

... «Видение» или... Я даже не знаю, как называть то, что пронеслось только что в моём сознании, оборвалось так же неожиданно, как и началось.

Я подумал о той войне и... Услышал до боли знакомое объявление, озвучивающееся раз в год каждый январь. У Феликса в заведении.

Не было ни единой причины, почему оно могло появиться в ноябре, если только...

Нет. Это всего лишь побочный продукт повреждённого сознания — галлюцинации. Не более.

Да и что я знаю о войнах, пусть и некоторые из них воспринималась личным событием... Почему-то.

Может, это как-то связано с предыдущими «видениями», где речь шла о «Пеларгониях»?

Ладно, неважно.

Пока я шерстил по интернету, в поисках лёгкого и незамысловатого получения лицензии на оружие, что, оказалось, задачей не из простых, на некоторых сайтах всплывала контекстная реклама. Кто бы мог подумать, что «большой брат» следит за всеми нами — через предложения о всевозможных ежедневниках и блокнотах для записей, например. Я лишь невольно ухмылялся подобному (не)совпадению.

К сожалению для Смерти, рекламе удалось переключить моё внимание на поиск ближайших магазинов с канцелярией. В квартире не оказалось ни блокнотов, ни захудалой ручки.

В квартире у художника, да.

Переведя дух и набравшись сил, я направился к ближайшему к дому магазину с канцтоварами.

Я было остановился перед дверью, буквально на мгновение, снова, но в ту же секунду взял себя в руки и начал расхаживать мимо стеллажей.

В последний раз я обращал внимание на принадлежности для ведения записей только перед первым курсом учёбы.

В них я и реализовывал первые шаги творческого порыва, а от руки и вовсе писал только в школьные времена, что закончились около восьми лет назад.

И почему я об этом думаю?

Секунду, я о чём-то думаю.

Вернувшись в реальность из образовавшегося потока ностальгии, я смотрел на ежедневники. Взял один, наименее отталкивающего вида, несколько ручек с толстым корпусом и карандаш с точилкой на случай, если единственное, что я могу выразить в письме, снова окажется рисунок.

На остальное я не обратил ни единого внимания, и только лишь благодаря рефлексам и мышечной памяти не был похож на застывший во времени безмолвный исполин, не разучившись базовой коммуникации.

Сегодня сухо и серо, небо затянуто плотным ковром из облаков. Погода соответствует моему состоянию, но, по крайней мере — не доставляет никаких неудобств.

Я шёл, думая о том, где мог провести время в пробах новоприобретённого пера.

Мне нравится сидеть в кофейнях, но уже никогда не стал бы целенаправленно брать кофе или чай. А вот какао — вполне себе сойдёт.

Что-то кольнуло в сердце, при слове «какао».

Не заметил, как дошёл до центра города, не слыша ни музыки, непрерывно играющей всё время, ни обращая внимания на всё вокруг. Было только неуверенное движение ног, шаг за шагом.

Случайный маршрут довёл меня в одно из заведений знакомой сети.

Мне нравилось проводить там время с...

Стоило только подобраться к этой мысли, как почувствовал разрастающийся пузырь в груди. Стало трудно дышать, вновь нахлынули слёзы, что сумел подавить только облокотившись на ближайшую стенку.

Просто дышать, медленно и глубоко.

А может, и по «квадрату»⁵?

— С вами всё в порядке? — окликнула меня проходящая женщина.

— Да... — выдавил я из себя. — Просто нужно отдышаться, не беспокойтесь. Такое бывает.

— Скорая не нужна?

Я помотал головой. На том женщина и пошла дальше.

И когда люди стали чутче зачерствевшего сухаря?

Или я?

Более-менее придя в себя, я достал сигарету и начал курить в сторонке от входа в кофейню, как кто-то задел моё плечо, приведя в крайнюю степень раздражения.

Ненавижу, когда меня касаются.

— Pardon! Je ne vous ai pas vu! — квакнули мне что-то похожее на извинение, судя по интонации. Оно исходило от девушки, которую заметил только после того, как она начала говорить на неизвестном мне языке, а не от того, что она и стала причиной моего возмущения.

Французский, наверное. Компания из трёх человек растянулась по всей ширине не самого узкого тротуара и, всё же, умудрилась задеть меня, стоявшего у стены здания.

Я неопределённо кивнул, поднося сигарету ко рту, пока те не скрылись за дверью кофейни, у которой стоял и в которую направлялись и они.

«Но по сторонам смотреть, всё-таки, лишним не будет, лягушатники болотные», — думал я про себя. Ни к чему проявлять агрессию к случайным людям и случайным ситуациям.

И откуда во мне вскипела подобная реакция на житейские ситуации, на которые я никакого внимания не обращал и при жизни?

Забавно рассуждать об этом так, словно я и в самом деле мёртв.

Отгнав ненужные мысли и выбросив окурочек, в кофейню зашёл и я, подавив «дверной позыв», что даётся сопротивлением, но выбор между поддаться ему и обратить на себя внимание — не оставляет сомнений.

⁵ «Дыхание по квадрату» (квадратное дыхание) — это базовая антистресс-техника, которая помогает быстро снять тревожность и восстановить фокус внимания. Метод основан на четырех равных фазах: вдох, задержка, выдох, задержка.

Старался не думать о том, что навевает обстановка и атмосфера, в которую я попал. Снова. Не думал, что когда-нибудь вновь переступлю порог какого-либо места из прошлой жизни, особенно того, что имеет общий дизайнерский стиль, в какой бы точке сети ни оказался.

Не думать об этом. Здесь, конкретно в этом месте — я в первый раз. Это всё, на что следует опираться.

И не цепляться за мысли.

Места было достаточно, несмотря на ноутбучно-планшетных «крыс». Можно провести время, не побираясь и не бегая глазами в поисках хоть какой-либо свободной табуретки.

Когда я подошёл к кассе, передо мной стояла знакомая троица, что-то бурно обсуждая между собой громким шёпотом...

Громким шёпотом? Это как?

В смысле, они и правда шептались, но как-то... громко.

Я начинаю сомневаться в значении слов или своих лексических способностях?

Они были единственными в очереди, следом за ними — я.

Как же вкусно пахнет от девушки, что толкнула меня — та стояла ко мне ближе всех, пока её компаньоны пытались определиться с выбором.

Я предался этому запаху и растворился в нём, лишённый возможности двинуться с места.

Ненавязчивый и очень приятный. Сандал, ваниль и кедр, наверное.

Удивительно.

Не помню, когда в последний раз я обращал внимание на запахи, если это не продукт человеческой жизнедеятельности, что каждый день ощущается тем или иным образом от меня же самого.

Я не заметил, как за мной возникло ещё два человека, увеличивая ветку ожидающих, да и сколько я простоял в моменте — тоже не задался вопросом, до этой секунды.

Троица и не думала сбавлять обороты, пока несчастная бариста, замерев перед ними, ожидала, наконец, решения.

Я решил немного продвинуться вперёд так, чтобы периферическим зрением или ощущением присутствия напомнить о том, что туристы — не единственные участники очереди.

Стоило сделать шаг вперёд, как тут же на ногу, вновь не заметив вокруг себя никого и ничего, грузно наступила моя новая благоухающая знакомая.

— Ай! — немного скривился я, но снова лишь раздражение выразила моя гримаса.

«Вот же пиз... неваляшка косолапая», — не отступал я.

— Oh, pardon! Désolée, — подняла на меня взгляд мой притеснитель. Виновато улыбнувшись, добавила по-русски, с лёгким французским флёром. — Извините, пожалуйста! Мы все растворились в общении друг с другом, — переводя свой взгляд с меня на людей, прибавившихся позади, снова изобразив неловкость перед возникшей ситуацией.

Повернувшись к своим спутникам, та, видимо, призвала поторопиться и уступить дорогу остальным ожидающим.

Наконец, они отошли, и я отрапортовал потрепанной бариста мой заказ:

— Большой какао с шоколадом и гималайской солью, пожалуйста. Карточкой оплата будет.

— Спасибо большое, пару минут, — благодарно выдохнув ответила она.

Я отошёл и отстранённо ждал свой заказ, пока не вспомнил, что хорошо было бы занять место, пока он готовится.

Фантастическое трио забрало свои напитки и направилось к выходу, как вдруг всё та же девушка окликнула их неведомыми фразами, и те, немного подумав, с чем-то согласились, после чего направились на второй этаж.

«Растворились в общении друг с другом», — прокручивал я услышанную ранее фразу.

Чего?

Удивительно, как может звучать один и тот же язык от людей из разных уголков мира.

Вновь задумался о том, отчего подобное размышление овладело мной, в принципе.

К слову, о внимании. Я заметил, что места на первом этаже были полностью заняты людьми.

Все эти люди оказались намного оперативнее в своей находчивости, чем я.

Спохватываться было бессмысленно, поэтому смиренно ждал свой какао.

Поднимаясь на второй этаж, держа стакан двумя руками настолько уверенно, насколько неуверенным был мой хват, пробегая глазами, я обнаружил лишь один свободный и вполне приемлемый простенок.

Он был параллельно месту с широким кофейным столиком, диваном и двумя креслами вокруг него.

И занято это место было всё той же троицей.

Делать было нечего, да и, по большому счёту — всё равно, лишь бы то, что не приколочено в пределах досягаемости их туловищ и конечностей, не полетело в мою сторону.

Осторожно поставив прикрытый стакан на столик, а затем и рюкзак в свободное кресло, я неуверенно и медленно открыл его, вытаскивая необходимое содержимое.

Наконец, присев и нервно выдохнув, я осмотрелся, заметив, что троица поглядывает в мою сторону, щебечась между собой.

Я не придал этому какого-либо значения, но край периферического зрения, всё-таки достигал их компании.

Я обратил внимание на музыку, что играла здесь. Ненавязчивая, спокойная, безлика.

И она мне не важна, от внешних шумов отвыкаешь, существуя с наушниками на пару большую часть жизни.

Сняв с себя пальто, я растворился в прострации, безучастно пялясь на дневник.

И о чём мне в нём писать? Зачем и для чего? Возникали последовательно вопросы один за другим, пока разворачивал с него плёнку, скомкав в полиэтиленовый клубок и выбросив в ближайшую урну.

Я вновь переоцениваю свои возможности в том, что могу подниматься с места сколько заблагорассудится. Взгляд проникся небольшой теменью и пришлось крепко зажмуриться, чтобы нивелировать побочный эффект от «чрезмерной» активности.

Какао был вкусен... вкусным?

Не важно.

Открыв ежедневник, я какое-то время смотрел на пустой лист.

«Ему бы какое-нибудь название дать», — думал я. — «Четыре плюс способа умереть по-идиотски»?

Г-господи. Я ещё и оступел. это было очень плохо, по-детски вульгарно и вообще — фу.

И куда подевалась моя творческая фантазия или хотя бы расположенность к ней? Картины я писать могу, а облечь слова в оригинальную форму мысли — нет?

«Когда не можешь сдохнуть», — Пушкин переизобрёл русский язык именно для этого предложения, не меньше.

С другой стороны — к чему какие-либо условности и формальности? Мой дневник — моя поэзия и натюрморт.

Натюрморт...

Я улыбнулся.

«Дурак и Жизни был не мил, и Смерть его не принимала».

С усмешкой смотрел я на заголовок кривой прописью. Взгляд мой не намеренно перевёлся к той девушке, которая тотчас, почувствовав его на себе, пересеклась с моим.

Свой я тут же отвёл и пытался вновь сконцентрироваться на том, что лежало передо мной на столике.

Краем взгляда я увидел, что она поднимается со своего места, с проводом для зарядки устройств в руке, и направляется в мою сторону. Подошла она на тактично-почтительное расстояние и заговорила:

— Pardonnez-moi? — обратилась та. — У Вас не найдётся... Fiche? — показывая на проводе место подключения для штекера. — Забыла русское слово...

— Штекер? — подсказывал я.

— Да, merci! — облегчённо выдохнула она. — Штекьер, точно.

— Да, момент, — ответил я с усилием, медленно поднимаясь со своего места к рюкзаку. Шлейф её аромата вновь добрался до меня, но я не рискнул остановиться и глубоко впитать его каждой клеткой своего обоняния.

«Не развивай эту мысль», — одёрнул я себя, вручая штекер девушке, чьи пальцы легко и нежно коснулись моих при его передаче.

Взглянув на неё, я невольно подумал о том, с каким выражением лица происходило всё действие.

— Merci bien, — промурлыкала та, чьё прикосновение пропустило через меня невиданный разряд тока, добравшийся до глубины души. — Я верну, когда попросите, — улыбнулась она в финальном штрихе, мимолётно переведя взгляд на мои руки и стол перед тем, как развернуться обратно ко своим компаньонам.

Я лишь кивнул, пытаюсь держаться естественно.

Вернулся и я в своё кресло. Что это было, что со мной происходит?

Не важно. Бесплезные размышления о мелочах, что растворяются вечностью — не имеют никакого значения, что при жизни, что при смерти.

Дальше заголовка я так и не продвинулся, посему и решил довериться моим неизменным соратникам: музыке, что давно не воспринимаю, лишь бы не оставаться наедине с давящей и беспрсветной тишиной; и рисованию, за неимением возможности выразить происходящее со мной и во мне словами.

Потянувшись за стаканом, я снова почувствовал, а затем и заметил на себе взгляд девушки со штекером.

Бинты оголились. И впрямь чудная картина, где человеку, что хотя бы с виду не разваливается на части, требуется усилие для поднятия стакана, сопровождаемая процедурой болезненными и неосознанными гримасами.

Нисколько не смутившись, меня вновь окатило возмущением, на этот раз из-за того, что на меня бесстыдно пялятся.

Не имею представления о культурных особенностях у французов, но, всё-таки, мы не в Лувре, и я не музейный экспонат, чтобы была причина глазеть тремя парами глаз, в конце-то концов!

Ладно... Украдкой и я поглядывал на эту девушку, но уж не столь наглым и беспардонным образом. Незаметно и учтиво, насколько мне представляется и хочется верить в то, что не занимаюсь каким-либо нарушением личных границ.

При всём этом описать её я смог только тогда, когда снова подкралась мысль о том, что бы я мог сказать об этой незнакомке, что встретил двадцать минут назад...

Тем временем

— Il te dévore du regard comme César regardait Cléopâtre.

— Ne le dérange pas, Faby. Laisse-le regarder.⁶

⁶ Он тебя взглядом пожирает, как Цезарь Клеопатру.

Тихон

Надо взять себя в руки и обратить внимание на то, с чем и для чего сюда пришёл — дневник.

Я не помню, каким образом в нём образовался рисунок предпочтительного жанра — какофония абстракционизма.

Обмякнув в кресле, решил не тратить силы, коих не было, на дальнейшие пробы насилия над собой, над тетрадью и над ручкой.

Можно просто насладиться какао, музыкой и... Снова взгляд на неё при слове «насладиться» ...

Господи...

Она мягко улыбнулась, и её спутники, заметив её финт, развернули ко мне свои головы.

На этот раз я не отвёл взгляд, и так же ответил ей улыбкой, пусть и такой...

Не самой привлекательной.

Девушка, тем временем, грациозно кивнула на дневник и руками, воспроизведя в воздухе схему письма или рисования, вопросительно качнула головой, повторив вопрос уже вслух после небольшой паузы и моего замешательства:

— Peintre?

— Эм, иногда.

— Mais pas aujourd'hui?⁷ — с искренней верой и убеждением в моих лингвистических способностях задала она следующий вопрос.

«Чего, блять?», — первая реакция мозга, оставшаяся в пределах сознания.

— Вот это я уже не понял, прошу прощения, — с нервной неловкостью ответил, не убрав эту дебильную улыбку.

Она ещё раз улыбнулась в ответ, а я окинул взглядом остальную компанию: ещё одну девушку и юношу. Те с интересом и округлыми глазами наблюдали за происходящим.

— Se joindre à?⁸ — прозвучало от моей случайной собеседницы вместе с движением руки, чья ладонь лёгким и воздушным похлопыванием по дивану приглашала занять место рядом с ней.

— Эм... Нет, спасибо большое, — покачал я головой, и ответив на предполагаемое предложение настолько дружелюбно, насколько возможно.

Правда, ответил я машинально, по привычке, не подразумевая отсутствие какого-либо желания.

Желание...

Это было моим желанием или прельстило внимание к себе от того, кто одарил редкой теплотой, не совершая при этом ничего особенного?

Слишком много вопросов за последние полчаса. И формируются они какими-то странными словами, что сроду не использовал. Тогда как то, что было свойственно мне — будто растворилось в вечности.

— Предложение будет в силе, если передумаешь, — прервав мой самоанализ учтиво и дружелюбно отметила она, улыбнувшись и возвратив внимание к своим друзьям.

Я снова лишь кивнул, в качестве неопределённого ответа.

Странно. Её русский — на уровне носителя, несмотря на французское происхождение (если моё предположение верно), отчего же она при общении с очевидным носителем местного языка, не говоря об иных культурных различиях, переключается с одного на другой — мне было неясно.

⁷ Но не сегодня? (фр.)

⁸ Присоединишься? (фр.)

Может, ей несколько затруднительно переключаться между своими людьми, с кем разговаривает на родном языке и теми, кто...

Стоп.

Снова цепляюсь. Не цепляться, Тихон. Пропускай мимо себя, а не через любые мысли, сбивающие прицел!

Возможно, она таким образом заигрывает и располагает к себе, а возможно, и первое предположение. В сухом же остатке — какая разница чем угождать собственной заинтересованности, что так и не найдёт дальнейшего развития? Пусть оное правило не везде и не ко всему применимо.

Мне необходимо думать дальше относительно себя и тех вопросов, что ребром стоят между мной и смертью.

А они (она) — отвлекают, хуже того — дают причину лелеять и раскалять давно затухшую надежду. Просто надежду, как само явление, давно покинувшее меня.

Вспомни, что произошло с...

Я всё же направился в их сторону, после всех рассуждений со своим напитком в руках.

Я неисправим, с другой стороны — это всего лишь один из способов скоротать время. Засыпая — я ни о ком из них и не вспомню, как и они обо мне, кроме того, как расцветает моя способность раздувать из мухи слона.

— *Changer d'avis?* — спросила незнакомка с горящими пламенем глазами и своей уже знакомой мне лучезарной улыбкой. Её компаньоны тоже одарили меня пылкой реакцией, сопровождая каждое движение, как только я попал в их поле зрения.

Вероятно, очередная незнакомая мне французская характерная особенность. Не надо было пропускать мимо ушей дисциплину по межкультурной коммуникации, тогда бы и я не чувствовал себя неловко с их манерами, в том числе направленными в мою сторону.

К слову, об её друзьях — они были... размытыми.

Я видел их, даже мог бы описать внешность, но каждый раз, когда я оборачивался в их сторону, мне казалось, будто я вижу только силуэты, пока не сфокусирую на них взгляд.

Странное явление, будто я в игре со сбитыми графическими настройками.

— Подумал, почему бы и нет, — ответил я, с некоторой осторожностью присаживаясь на диван, не слишком близко, но достаточно для расстояния вытянутой руки. Моя соседка чуть сменила позу, для комфортного пребывания на диване двоих людей. Такой незначительный жест, но во мне он вновь растёкся теплом. Хотя, совершенно точно, обусловлен он был возникшей ситуацией, но никак не целенаправленно относящийся ко мне... А эгоцентризм во мне всё так же благополучно процветает, неподвластный ни смерти, ни какому бы то ни было контролю при жизни. — Если я правильно понял вопрос, конечно, — неловко и дипломатично добавил я.

— *T'inquiète*, мне нравится ставить людей в неловкое положение, — непринуждённо объявила она.

Я лишь приподнял брови, не найдя слов, обведя глазами её окружение.

— Эм, без злого умысла, не подумай, — поспешила объясниться та со всё той же кокетливостью и добродушной улыбкой. — Вас, русских, на эмоции с незнакомцами не пробьёшь, а пережив конфуз — человек расцветает, как...

— Кактус, — закончил произвольно я за неё. — Извини, вырвалось.

— Кактус! *Magnifique!* — засияла она ярче прежнего.

Девушка, сидящая напротив нас, застрекотала то, что я даже отдельными словами разобрать не мог, обращаясь к своим соседям. Закончив, все трое снова непринуждённо засмеялись.

После этого мой сосед по дивану немного задержала свои лазурные глаза на моём лице и ласково произнесла:

— Извини, что я как подножка.

— Подножка? — переспросил я.

— Спотыкаются об меня, — грациозным движением стопы подкрепила она своё признание.

— Ничего, неловкость ведь раскрепощает, — умозаключил я словами Атанасии.

— Oui.

Никогда не встречал человека, кого можно было бы назвать воплощением приветливости и грациозности. Обычно, за ними что-то да кроется...

— «Qui n'avance pas, recule»⁹, — наконец, подал голос и третий участник их компании, словно цитирующей интонацией.

— Diacre... — разочарованно выдохнув, протянули оба женских голоса. Молодой человек лишь недоуменно засмеялся.

— Et quoi? — спросил тот, так и оставшись без ответа.

«Интересного много, но понятного — ничего», — подумал я про себя, закрепив мысль соответствующим выражением лица.

Диванная дива вновь обратилась ко мне сочувственным взглядом:

— Этого аборигена зовут Дьякон, в вашей интерпри... интерпре... в вашем варианте, — смирившись вымолвила она, движением головы указывая на обладателей имён. — Фабьен, ma chérie, а я — Эдит, — протянула она ко мне руку, представившись.

Мгновенье поколебавшись я осторожно и легко пожал её, пропустив язык вперёд мыслей.

— Пиаф? — тут же пожалев о своём существовании задал вопрос я в оба глаза со всё ещё скрепленными руками с человеком, чей взгляд в мгновение ока сменился на такой же осуждающе-разочарованный, как только что с Дьяконом.

С двух сторон раздался неловкий смешок.

Не распуская связку, я поспешил оправдаться:

— Я больше никогда не буду шутить, прошу прощения, — сердечно произнёс я.

— Эдит, — с выражением и акцентом на «э» поправила она меня, сменив гнев на милость. — Ударение на «э», — уточнив для доходчивости.

— Тихон. Ударение на «и», — в попытках сгладить неловкую ситуацию представился, наконец, и я.

— Enchantée, Тихон, — улыбнувшись, чуть потрясла она мою руку, прежде чем разжать ладонь.

Перенервничав, я резко и неловко отвёл руку, отвесив по кивку каждому из представленных мне Эдит.

— Вы не говорите по-русски? — спросил я было у Фабьен и Дьякона.

— Примерно так же, как и ты по-французски, — ответила за них Эдит. — Отдельные слова или те, что показать волнами — могут понять.

— Волнами?

И Эдит обрисовала в воздухе жест рукой, означавший какое-либо действие.

— А, жестом, понял... — дошло до меня. — Как-то неловко, что тебе... Вам, — оступился я, — приходится быть «сломанным телефоном».

— Можно на ты, — предложила Эдит, улыбнувшись. — Тем интереснее, — ответила она уже на моё предположение.

— Как вам... у нас, давно уже здесь? — неумело связывал я отдельные вопросы в единую мысль.

⁹ «Кто не движется вперёд, отступает». (фр.)

— Я — да. А у ребят сегодня третий день... Доехали спустя столько лет...

— Дорогого стоит, с учётом обстоятельств.

— До сих пор не могу поверить, что они провернули это, — благодарной улыбкой озарила она своих друзей. Те лишь улыбнулись в ответ и до меня, в свою очередь, невольно дошло их настроение.

— Штекьер пока не нужен? — спросила Эдит.

— Нет, не беспокойся.

— Почему решил к нам подсесть?

— Эм, я думал, вы пригласили... — неуверенно озираясь к каждому участнику произнёс я.

— Я в смысле, почему передумал? — пояснила Эдит.

Пожав плечами, я не решился назвать истинную причину, что и сам не смог сформулировать:

— Почему бы и нет, — вновь озвучил я. — Интересно пообщаться с иностранцами.

— Но тебе нужно было подумать. Мы тебя напугали?

— Вдруг вы разводите доверчивых граждан, — ляпнул я, снова столкнувшись с наигранно недоумённо-осуждающим взглядом. — Нет, мне, мне просто нужно... чуть больше времени, чтобы подумать о чём-нибудь.

— Вот напоим тебя кофе, заведём в тёмный угол, залюбим и ограбим, — беспечно озвучила Эдит.

— Это можно повернуть и в туалете, — предложил альтернативу я. — Только во Францию не отправляете, прошу.

— Был когда-нибудь в наших краях? — с навострённым интересом спросила она.

— Да... очень давно, лет 15 назад, по-моему, — задумался я напряжённо. — Школьная экскурсия по некоторым европейским странам.

— Paris?

— Oui, — ответил уже я.

— И как тебе? — продолжала Эдит.

В ожидании ответа она, обратившись к своим товарищам, видимо, пересказав некоторую часть разговора, в котором отчётливо различил «Paris».

У меня не было желания каким-либо образом обижать странников, особенно что касается их Родины, но и лукавством прикрываться мне было не свойственно не только потому, что в первую очередь, я обманываю себя самого, но и абсолютным отсутствием навыка убедительно врать.

Бурная мозговая деятельность вновь отпечаталась на моём лице. Эдит, заметив это, решила немного снизить напряжение от щекотливой темы, взяв слово:

— Париж — помойка, — безжалостно расценила она. — Что пятнадцать лет назад, что когда уезжала оттуда.

От неожиданности в подобном откровении, не поверив услышанному, я с удивлением обвёл взглядом остальную процессию, словно в поисках подтверждения озвученному мнению или потому, что эти слова будто были сказаны мною, за что испытывал некоторую неловкость. Остановив свой взгляд на Эдит, та лишь с непринуждённым изяществом отпивала свой напиток, тонкими пальцами обхватив стакан, пальцами, что обратились ко мне, как к художнику, призывая запечатлеть их на полотне.

«Тихон, остановись!» — осадил я себя.

Эдит заметила мой перебегающий взгляд с одного на другое, усилив возникшую неловкость.

Смутился, бедненький.

— Да, разочарован, — признался я откровенно. — Не скажу за всю Францию, но Париж прекрасен только в фильмах и в описании у Ремарка какого-нибудь, в целом... И то, не сам по себе, лишь через призму рассказчиков... Как и Диснейлэнд, — добавил я, после некоторого раздумья, вспомнив и подобный опыт.

Эдит сосредоточенно слушала. Каждый раз поднимая на неё взгляд меня обдавало жаром, как мальчишку с наступлением пубертата. Ничего, кроме стыда, не оставляя за собой.

— А как вам Москва? — задал уже вопрос я.

— Красавица. Чистая, ухоженная, — немного задумавшись, ответила Эдит. — Для меня. Третий Рим, как-никак, но и не идиллия, несмотря на лоск, блеск и все блага, что душе угодны...

— А для ребят? — кивнул я в сторону безмолвных собеседников.

— Comment va la Moscou? — обратилась к своим друзьям моя мимолётная муза.

— Géant! — обратилась ко мне Фабьен. — Je ne savais pas à quel point elle était énorme¹⁰, — поделилась она с чувством своими впечатлениями.

— Propre, beau et délicieux, — следом методично произнёс Дьякон.

— Им нравится, если вкратце, — улыбнулась мне Эдит.

— ...А я так про вашу столицу, — неловко смутился я, снова.

— Важнее и привлекательнее честность, а красота слов не стоит ничего, если сам не веришь в них, — заключила... французской глубокомысленностью Эдит. — В конце концов, сколько людей — столько и мнений. Не всем может понравиться по вкусу как Париж, так и Москва, — подмигнула она мне.

— Всё так, — всецело согласился я. — Эм, что успели посмотреть?

— Oh, пока мы изучаем то, что знаю сама, — оживилась Эдит. — Город мне каждый раз кажется незнакомым. А метро! Паучок¹¹ разрастается быстрее, чем я успеваю запомнить названия станций и нужные выходы. Особенно на «Китай-Городе», Господи... — с чувством отозвалась она.

Далее, она вспоминала и рассказывала, что успели посетить и показать своим друзьям. Мне почему-то это стало интересной темой и для обсуждения, и для погружения во всё, что Эдит и её компания успела сделать за неполные три дня. Очаровательный шарм придавал и французский флёр, и сменяющиеся по мере взаимодействия языки повествования от обращающихся и к тем, кому обращались.

Но себя я так и не смог почувствовать полностью вовлечённым, возвращаясь к зову тьмы, чья пелена окутала меня безвозвратно. В такие моменты, словно чувствуя моё отрешение от мира сего, Эдит возвращала меня к моменту, что происходит здесь и сейчас. Намеренно или случайно — я не знаю.

— Может, ты что подскажешь, Тихон? — вернула меня в реальность Эдит, в один из таких случаев.

— Кхм... Запишешь? — выходя из прострации, спросил я малоубедительно для человека, что был последние несколько минут совсем не здесь.

— Dans toutes les oreilles, — улыбнулась она, пристально посмотрев на меня.

Пока я перебирал самые неочевидные или недошедшие до своей очереди места, начиная от лавочек, заканчивая заведениями, музеями, проспектами и, в целом, городом, я время от времени потягивал свой напиток, совершенно растворившись во всём, как и обо всём забыв: и о бинтах, и мандраже, и о том, что, даже держа стакан двумя руками, моё лицо, при отсутствии какого-либо контроля, выражало весь естественный спектр эмоций. А задумался я об

¹⁰ Я не знала, насколько она огромна! (фр.)

¹¹ Из-за круглой Кольцевой (или Большой кольцевой) линии и расходящихся во все стороны радиальных веток схему московского метро часто визуальнo сравнивают с пауком или паутиной. Например, в детских экскурсиях или путеводителях так и говорят: «Рассмотрите схему метро, она похожа на паучка».

этом, лишь в очередной раз поставив стакан на стол, после чего забинтованную руку пронзила колющая боль и я машинально прижал её к туловищу, когда вокруг возникло молчание. Оно окружило меня так же неожиданно, как и было прервано наблюдавшей за этой картиной Эдит и её гостями.

— Болеешь? — осторожно спросила она.

— Можно и так сказать, — ответил я, стараясь не пересекаться с взглядом собравшихся за столом. — Только сейчас вспомнил вопрос, который так и не задал, — щёлкнув пальцами, признался я.

— Вперёд, — поддержала Эдит.

— Вы ведь, ну... все французы?

— Ты сомневаешься? — Эдит с удивлением подняла брови.

— Уже нет, но с тобой так и не определился.

— Как сам считаешь, кого во мне больше?

— Человека, — не задумываясь ответил я многозначительно. — Остальное определяет каждый сам для себя.

— Хороший ответ, — улыбнулась она. — Я француженка, да, но родители с юности связаны двумя странами, поэтому Россия, для меня, как и второй дом, так и поездка к бабушке, например, по ощущениям, — рассказала Эдит. — Несколько лет назад они... предложили приехать сюда с ними: сменить обстановку, закончить учёбу, помочь со своими делами. Соскучилась, да и в целом... Смена обстановки — *utile*, — добавила она.

Я понимающе кивнул и улыбнулся в ответ.

А ещё мне показалось, что говорит она только о том, что может рассказать, не вдаваясь в подробности перед первым встречным.

И в этом я её понимаю.

— Что расскажешь ты? — продолжила она.

— Рассказывать особо не о чем, — немного поколебавшись, ответил я, как Питер Паркер в одном из фильмов. — Что тебя интересует? Или вас? — учтиво переведя взгляд и на её компаньонов.

— Только то, что сам пожелаешь... Нет, пожелаешь, *pardon*, — чуть смутилась и расплылась в мягкой улыбке она.

— У ребят не узнаем? — кивнул я в их сторону.

— Им интереснее наблюдать, чем участвовать, — с твёрдым убеждением ответила она.

Я неопределённо мотнул головой.

— Я редко с кем иду на контакт, — прояснила она ситуацию.

— Интересно, а так и не скажешь... — произнёс я, в первый раз не отводя от Эдит прямого и долгого взгляда.

— О чём задумался? — спросила она после некоторой паузы.

— Пальцы, — отстранённо ответил я, снова залившись румянцем, и снова вперёд мыслей.

Эдит прищурилась в немом вопросе.

— Как ты берёшь в руки стакан, — вторя словам действием, произвольно воспроизвёл я своими ослабленными культяпками представленную передо мной картину. — Как-то органично и так... воздушно. Изящно для обычного действия, словно ожившее полотно, — признался я искренно и совершенно оторванно от реальности. — Очень красивые руки, а то, как ты взяла стакан и поднесла к себе, у меня... Мне показалось, что я мог бы обыграть увиденное на холсте и тогда картина бы отпечаталась не только в моей голове, но и наполнила чувством прекрасного всех, кто её увидит. Вот, — выдохнул я, отводя душу свойственной мне чрезмерной откровенностью, о чём, как принято, в ту же секунду и пожалел, и почувствовал накатывающую неловкость.

Нависшее глухое молчание нарушал лишь шёпот Фабьен и Дьякона между собой, пока мы с Эдит обменивались взглядами, в полном неведении, как она восприняла мой душевный порыв. Снова потянувшись к своему стакану, та непринуждённо отозвалась на услышанное рассуждение:

— Интересно, — отпила она всё так же поэтично-художественно.

— Не подумай, это... не завуалированный флирт. Да и не умею, просто... так легче доносить возникшие образы, — приложив немислимые усилия, чтобы моё пояснение звучало как можно более беззаботно, ответил я.

— Значит, не предложишь побыть твоей моделью, пока воплощаешь этот образ?

— Необязательно. Я ведь запомнил.

«Вот идиот», — прорвался внутренний голос на только что сказанное вслух.

Я посмотрел на собственные руки, что до сих пор едва чувствую, после... череды определённых событий.

— Если руки дойдут, — прибавил я, обращаясь самому к себе.

— Они от тебя уходят? — напомнила о себе Эдит.

Я посмотрел на неё растерянно.

— Ты сказал: «если руки дойдут» — могут не дойти? — внесла она ясность.

— Могут, — улыбнулся я. — Могут и не дойти. — Подытожил я.

Что-то неприятное нарастало во мне, напоминая о том, от чего отвлёкся на... полтора часа! С удивлением взглянул я на часы.

— Торопишься или мы тебе надоели? — с деликатной прямолинейностью спросила Эдит.

— Ни то, ни другое, — признался я. — Просто привычка.

Эдит не поверила этой интерпретации.

— Мне... мне сложно находиться на одном месте слишком долго. Тело требует движения, смены обстановки, — раскрыл я истинную причину. — Чтобы с ума не сойти, видимо. А, может, просто... я такой.

— Куда обычно направляешься?

У меня был лишь один ответ:

— Вперёд, куда приведут ноги.

— А к людям относится твоя... особенность?

— ... В смысле, бегаю ли я от одних к другим?

Эдит несколько смутилась, видимо, из моих уст вопрос прозвучал совсем не в той форме, что вкладывалось изначально.

— Нет, — поспешил я с ответом, не усугубляя общую неловкость, возникшую после уточнения. — Людми не размениваюсь. Обычно наоборот...

— О чём ты?

— Да так... Просто мысли вслух, — попытался улыбнуться я. — Я пойду, рад был познакомиться и, надеюсь, что-то из рекомендаций будет полезным.

— *Certainement*, — будто с нежностью ответила Эдит.

Я поднялся, протянув и пожав руку Дьякону, помахав Фабьен и, призадумавшись и обратившись к Эдит, добавил:

— Передашь им, пожалуйста, что было приятно познакомиться?

— *Bien sûr*, — кивнула она, после чего, поднявшись, подплыла своей вытянутой ладонью на прощанье. — *Ravie de vous rencontrer*, Тихон.

Мгновение, что я смотрел на неё, мне показалось вечностью, перед тем как я с ответом потянулся своей ладонью к её — мягко, неспешно и неуверенно.

— *Au revoir*, Эдит, — поддавшись желанию задержать свой взгляд в её глазах, легко потряс я сцепленной рукой. — Не думал, что скажу такое, но... спасибо за подножки, — улыб-

нулся я ей, крайне не желая разжимать возникшую композицию из рук, как и отводить от неё взгляда.

Будущее, которого нет и вечность, тихим зовом вернули меня в реальность.

Прихватив опустошённый стакан, я кивнул всей троице и направился к своему месту. Собрав пожитки и положив остальной мусор в стакан, я надел на себя пальто и рюкзак.

Повернувшись напоследок, я скромно махнул им, пока Эдит не окликнула вновь. Перед этим я заметил, будто она решается на какое-то действие, сдерживаемое сомнением:

— Тихон! — остановила она меня. — Можно тебя?

Я подошёл, и она попросила дать мой телефон. Без задней мысли я вручил его, разблокировав и отключив от наушников. Она стала набирать на нём номер, после чего лежавшее в её кармане устройство завибрировало, будто звонила она самой...

— На случай, если не пойму некоторых слов из твоего списка, — подтвердила она мои размышления. — Или, если потеряюсь по пути, — озарив своим взглядом, Эдит протянула телефон мне обратно.

Что-то растеклось в моей груди, но я не позволил расползтись этому по всему телу.

«Список-то в электронном виде. Гугл не переведёт слова и не построит маршрут?», — подумал было я, пока в голове не возник кадр из «Тома и Джерри», где у Тома ослиное рыло, когда его в очередной раз обводят вокруг пальца.

Какой же я тупой.

— Всегда рад, — перехватив сотовый, я вновь коснулся её пальцев, на мгновение прикрыв глаза. К сожалению, не незаметно.

«Блять», — сокрушался я, перекрыв все чувства и мысли.

Она заметила.

Они заметили.

Не теряя самообладания, я как ни в чём ни бывало кивнул и ответил будничным голосом, чуть прочистив горло:

— Будем на связи, — чуть приподняв в руке телефон, я посмотрел на Эдит, не сдержав улыбки. Она ответила тем же.

Приятно. Тепло.

Да, именно теплом мне хочется назвать то, что бурлит во мне сейчас.

Лишь бы не обернуться.

Не оборачивайся, Тихон, нужно идти вперёд.

Пока что вниз по лестнице, но это движение вперёд. Одну. Ногу. За. Другой.

Я бы хотел её увидеть ещё раз.

«Дебил», — голосом Саши отозвалась оценка каждой клеткой тела. — «Всё такой же наивный идиот».

— Благодарю, — обратился я к бариста, выбрасывая стаканчик.

— Всего доброго, спасибо! — буднично отрапортовала та.

Подходя к дверному проёму, всё пытался вспомнить, будет ли виден стол, за которым сидела Эдит с этого ракурса.

Только не оборачивайся.

Дистанция сократилась до расстояния вытянутой руки, осталось лишь схватиться за ручку и надавить на дверь. В этот раз позыв был подавлен глубоким выдохом, но всё равно подчинившись тому на несколько секунд, с мыслью о тех ладонях, той улыбке, тем словам, что так изящно были переплетены с французским вокабуляром, словно из диснеевского мультфильма (пусть там и не было ничего подобного, просто напомнило), но реальность — куда лучше и богаче на то, где начинается сказка, происходит чудо, кого считать принцессой и какую форму любовь может принять.

Последняя фраза вновь пронзила меня невыносимой, но уже знакомой и прошедшей болью.

Меня пытались научить с этим жить, но там, где сердце пытается найти исцеление — мозг помнит всё.

Мне нужно придержать этот позыв, пока не скроюсь из вида хотя бы отсюда.

Переступив порог, сдерживая накат чувств и эмоций, я всё-таки обернулся посмотреть на второй этаж.

Три головы мелькнули, пока закрывалась дверь.

И я пошёл вперёд, с надеждой, что, засыпая — ни о чём из происшедшего я не вспомню.

С надеждой...

Двенадцатое мгновение

«Поднимаем!»

Я снова шёл, бесцельно сосредоточенно и монотонно, лишь музыка напоминала о том, что я всё ещё жив.

Существую, хотя бы.

Дошёл до «Провидения», не целенаправленно, лишь следуя за ногами.

Какой алкоголизм губительнее: бессознательный или осознанный? Хорошо бы узнать у Атанасии.

К слову, надо бы проверить телефон, найдя отвлечение и обратив внимание на что-нибудь помимо возвращённой хтони, моей вечной спутницы.

Алкоголь оказался сильнее смерти, так и не повлияв на предпочтения его распития. Тот же перечень, та же последовательность, то же место, что и за последние годы.

Девочки писали — здесь отвечу.

Родители пишут — не реагировать.

Какие-то люди из прошлого вспомнили о моём существовании — пусть остаются там, где меня оставили при жизни.

Бывшие... Господи ты, Боже мой. Всех благ и не поскользнитесь на... биоматериале.

Не реагировать.

Как они вообще узнали о чём-либо? Все они.

Сообщение от Марии, фельдшера. Не умер и не пристрелил себя, беспокоиться не о чем. Ответить.

На сообщение от Атанасии Дмитриевны я наткнулся лишь в самом конце.

И оно было прислано утром... Утро этого дня было словно из другой и далёкой жизни.

Интересно, как часто я использую подобный оборот, когда обращаю внимание на что-либо?

Назначила сеанс на завтра, а я не могу вспомнить, когда состоялась первая встреча.

По-моему... позавчера? Три дня назад?

Чувствую подступающую кровь к голове. Слишком много вопросов, слишком много всего. Мне душно и холодно одновременно, участилось дыхание, тьмой заслонены глаза.

Выйдя из кофейни, я смог сдержать или перенаправить... чем бы то ни было: паническая атака или общение с французами провоцирует подобное состояние — не знаю.

Злорадствую, конечно.

Они тут ни при чём, то чувство мне знакомо уже давно.

Но сейчас — сильнее прежнего, как в самом начале их появления...

— Тихон, как оно? — я не заметил, как ко мне подошёл владелец и по совместительству друг кабака, в котором нахожусь.

— Просто... отдышаться, — силясь связать два слова, выдохнул я.

— На улицу этот... выйдем, подышим? Я помогу, — вызвался тот, заняв место подле меня.

— Не смогу... стоять, — натужно выдавил я из себя слова. — Такое бывает, просто... надо подышать.

— Да, я помню. Думал, как его... со временем должно стать полегче.

— Не в этой жизни, — произнёс я с ухмылкой.

Тот по-товарищески прикоснулся к моей руке. Ненавижу, когда меня трогают, но, в данном случае, я будто снова могу почувствовать опору и заземлиться.

— Никого не смущаю?

— Смущаешь. Никиту, вот. Не его этот... так сказать, единомышленник, но выглядишь лучше и ухоженнее в его лучшие дни, и в худшие свои.

Я чуть закричал вместо смешка:

— То-то коктейли сегодня с привкусом недовольства.

— Накажем, — пообещал Феликс, от которого, мне показалось, пахнет свежескошенной травой.

— «Насквозь»?

— Наоборот. Он же этот самый... «недобропорядочный гражданин категории «п», ну ты этот... понял. Для него наказание — в его отсутствии, — спокойно рассудил он.

Я прокашлялся, вяло улыбаясь, вместо раздражающего меня смеха.

— Как бестактно и некультурно, в 21-ом веке, столь нетерпимо и уничижительно отзываться о предпочтениях человека, Феликс! — нарочито осуждающим тоном расценил я.

— А насквозь его вы... этот, пробить — святой дух предложил или, этот... твоя идея? — очумело ощерился тот.

— Я никак не прокомментирую, потому что я — законопослушный гражданин и осуждаю сам факт обсуждения этой пи... провокационной темы, которую и вслух-то не обсудишь... Если только не «Вола-де-Мортом»¹². Извините-извините, — ответственно заявил я. — А то, что ты, в одном предложении упомянул святого духа рядом с пробитием, — цыкнул я. — Сколько за доносы нынче дают?

— Зависит от статьи, по-моему.

— Да нет, доносчику.

— Зависит от влияния на услышанное. Вдруг самого облучили радужными лучами, — Феликс нервно прыснул. — ... Господи, как тебя Земля вообще носит, — перекрестился еврей по-католически. — Прости и не наказуй его душу грешную.

— Яхве тебе припомнит, — не унимался я.

— Творец — един, как ни называй.

— Тут уже как скажешь, — не стал я спорить. — Чем от тебя пахнет?

— Мне забили кальян с этой, ну, ароматной смесью и этим... ладаном.

— С арома...? Чего, блять? Ароматная смесь с ладаном? — от неожиданности услышанного приступ как рукой сняло.

— Угу, — незатейливо кивнул он. — Угостишься?

— Мне всё так же нельзя, да и... Кому вообще в голову могла прийти такая комбинация?

— Ну, мне, — так же просто ответил он. — Полегче? — спросил он меня, став, наконец, отчётливее для моего взгляда.

— Да... привык. Немного потрясёт в мандраже, но переживу, — сказал я, не веря собственным словам.

Мир вокруг понемногу приобретает привычные очертания, если бы не ощущение... плоскости? Словно всё вокруг выглядит ненастоящим, декорацией. Хоть и понимаешь, что это не так, вовсе.

Видимо, прогрессирует моё... моё расстройство.

— Ты будто посвежел, — заметил мой ситуативный собеседник.

— Сейчас или в целом?

— В целом, — отпивая из собственной чашки подметил Феликс.

— Спасибо... наверное? — неуверенно произнёс я, так и не научившись принимать хоть что-то похожее на комплимент или добрые слова в свой адрес.

¹² Вола-де-Морт (Лорд Волдеморт, урожденный Том Марволо Реддл, также известный как «Гот, кого нельзя называть») — это главный антагонист серии романов и фильмов о Гарри Поттере, созданной британской писательницей Джоан Роулинг.

Помимо медицинской интерпретации, я связываю данное свойство ещё и с особенностью менталитета: русский человек всегда начеку.

Феликс по-приятельски хлопнул меня по руке и комфортнее разложился на соседнем месте.

— Всё хандришь? — продолжил тот начатый разговор.

— Она со мной навсегда... моя путеводная звезда, — высокопарно, но обстоятельно выдохнул я. — С этим просто учишься... ну... — замешкался я.

— Жить? — помог мне снова Феликс.

— Если можно так назвать, — с поникшей улыбкой подтвердил я.

— Конечно можно, — серьёзно ответил мой компаньон. — Человеку не только как его... болезнь свойственна, но и здоровье: сегодня поболит, завтра — пройдёт.

— А если нет?

— *«Всё-ё пройдёт-ёт — и печаль, и радость... Всё-ё пройдёт-ёт, так устроен свет»*, — отозвался он словами из песни.

Я не стал портить момент, как-либо отвечая на него, но улыбнулся, в попытках переосмыслить услышанное.

Вдруг истина в простом, а не в свойствах человека усложнять жизнь и себе, и другим.

Кто-то с барной стойки обратился в нашу сторону, оставив исход беседы на суд вечности:

— Феликс! — поставленным голосом окликнули того. — Подойдёшь? — с планшетом в руках, подманивала его одна из сотрудниц.

Тот оглянулся и кивнул перед тем, как обратиться ко мне:

— Пора на родину, — вздохнул тот, осушив стакан до дна.

— В Тель-Авив? — серьёзно спросил я.

— В Биробиджан, — подхватил он. — Ты в норме?

— Порядок, не беспокойся.

— ... Я тебя вижу чаще, чем семью, хоть ты и этот... приходишь по настроению, — подметил Феликс, поднимаясь с места. — Давно уже наш талисман.

Меня сновахватило лишь на ухмылку.

— Знаешь... ты можешь приходить не только напиваться, у нас, как его... не мишленовского уровня кухня, конечно, но вполне себе достойная. Помнишь, как приходил на завтраки и всё зазывал...?

Я снова услышал то, что разум рьяно пытается скрыть от сознания — имя. Имя человека, которого, видимо, знал.

Того же или во всех случаях это были разные люди — я не знаю, да и не могу переспросить, не вызвав подозрений в чём-то более серьёзном в состоянии здоровья, чем последствия от... глупости.

Но Феликс был прав, лукавит, конечно, но еда здесь была лучше большинства именитых ресторанов.

Я совсем забыл про тот период, потому что приходил вместе с...

В этот раз я знал имя, но лучше не усугублять воспоминанием своё и без того незавидное положение, — раз из-за этих завтраков.

Снова сжало грудь.

— И вправду. Словно в другой жизни, — уже вслух озвучил я свои мысли. И снова преследующей меня фразой.

— Тут уж тебе решать, — перефразировал он мою реплику, улыбнувшись и постучав двумя пальцами по столу, в качестве прощанья. — Завтра — станет легче, даже если не веришь.

— А потом? — вдогонку донёсся мой вопрос уходящему товарищу.

— Видно будет, — чуть громче и не оборачиваясь, ответил тот.

«Или жизнь решит за меня», — подумал я в тот момент, предоставленный сам себе. — «Или смерть».

Бутылку вина я возьму с собой. Нужно растряссти тело.

Значит, завтра очередная сессия, на которую сам же и согласился, преисполненный убеждения того, что данное неудобство — вынужденное, чем согласиться принять предлагаемую помощь.

Потеряв счёт и во времени, и в пространстве, и в том, реальны ли события минувших дней... даже сегодняшнего утра, под лёгким снегопад, я сидел на скамейке возле места проживания.

Почувствовав возникшую вибрацию в кармане, я понял: мне, видимо, что-то пришло на телефон.

Не имело значения, важным оно было или нет, но что-то дёрнуло меня проверить его.

Сообщение от... Эдит? Причём в мессенджере:

«Мы, видимо, слишком, заговорились. Je suis désolée, Тихон! Я обязательно верну, только напиши, пожалуйста, как тебе его отправить или вручить».

P.S. Эдит. С надеждой, что он был не единственным в твоей коллекции».

К тексту была приложена фотография штекера.

Какой ещё...? Блять, штекер!

А как она поставила ударение на французские слова? И почему до сих пор нет такой функции для кириллицы?!

Тринадцатое мгновение

«Вывосим!»

Открывая входную дверь квартиры, я вспомнил о Матильде.

Надо бы её помыть.

Ставшими привычными неуверенные телодвижения, их, всё же — было достаточно, чтобы справиться с бытовыми задачами, что предпринимаю по приходе в жилище.

Я расположился на кухне, с нетронутой бутылкой вина и разгоняющим лёгкие табаком.

Так и не придумал, как и что ответить Эдит, к тому же — время позднее, а насколько учтиво с моей стороны беспокоить малознакомого человека письмами на ночь — не имел представления.

С другой стороны, не я ли решил на ночь глядя будить кошку, чтобы отмыть лишь потому, что в последнее время ответственность и забота — явления ситуационных укулов совести и ответственности?

Страхнув пепельницу и помыв руки, я направился к логову Матильды. Корма и воды было достаточно, но сейчас речь не идёт о её выживании, поэтому рядом я поставил внушительную миску с влажными, дорогим и эталонным кормом для Тучки.

Безответность — ахиллесова пята человечества. И я её наглядный представитель.

Медленно подобравшись и присев рядом с ней, Матильда встрепенулась своими ушками. Мне было стыдно прерывать её сон, но, кто знает, что будет завтра. Со мной.

Выйдя из мира кошачьих грёз, резво зевнув, та обратила свой преисполненный обиды, злостью и разочарованием взор на меня, не мигая своими изумрудными глазами.

— Ты меня ненавидишь, но тебя надо помыть, бусинка, — сказал я ей сопровождая слова голосом вины. — Только не артачься, пожалуйста, гигиена важна не потому, что я пытаюсь загладить перед тобой вину, а чтобы, хотя бы, самой себе была не противна... В отличии от меня.

Та продолжала мерить уничижительным взглядом не столько меня, сколько само обстоятельство, где я посмел обратился к ней.

Я очень хочу её обнять, погладить и расцеловать.

Матильда перевела взгляд на свежую миску, затем снова на меня, нехотя поднимаясь и неслышно подкрадываясь в сторону ванной.

Ловко прыгнув в купальню, та приняла вальяжный и недовольный вид.

Заранее подготовившись к процедуре, я приступил к действию, оказавшись в плену своей отрешённости.

Я не заметил, в какой момент я начал рыдать, вытирая её, бессильно держа полотенце в руках и облокотившись об ванну.

— Я даже умереть не могу, Матильда, — навзрыд сокрушался я, приложив голову на руки к бортику. Та лишь смотрела на меня, не отводя глаз. — Что я делаю, что я делаю здесь? Без... — это всё, на что меня хватило, но Матильде было больно явно сильнее моего. — Столько всего перепробовал, Матильда: вскрывался, травился, на крышку ходил... И всё равно жив. Не знаю уже, что и думать... — после я уже не мог связать и звука, кроме плача, прикрыв ладонями лицо.

Что-то мягкое коснулось моей руки. Это была лапка доченьки. Влажную и грустную я подтянул её к себе, крепко обняв. Та обвилась вокруг моей шеи, учащённо дыша.

— Прости меня, — нашёл я в себе силы, через какое-то время сквозь остатки слёз. — Скучаю по ней, очень. До сих пор просыпаюсь и засыпаю с мыслью о ней, — протянул я болезненно. — А я здесь застрял — ни живой, ни мёртвый.

Придя в себя, я высушил и нанёс необходимые средства на Матильду и, не выпуская из рук, донёс её до своего уголка, мягко уложив и посидев рядом, аккуратно и участливо поглаживая Тучку какое-то время.

Чмокнув её в макушку, я поднялся, чтобы оставить её пленяющему сну:

— Спокойной ночи... Или приятного аппетита, как пожелаешь.

И обессиленный удалился в комнату, следуя за мановением зова кровати и подушки.

Очнулся я, на удивление, в приемлемое время, что не слишком рано и не слишком поздно. Рядом лежал телефон. Не помню, чтобы я брал его в руки. Не помню даже, чтобы он был при мне, когда я...

А что я вообще делал вчера?

Ах, да, плакал и слезами омывал несчастную Матильду.

Воспоминания — всё ещё вымученное свойство, но образовавшийся из ниоткуда телефон, который в последний раз я оставлял его... на кухне? — привёл меня в большее замешательство, чем какое-либо прогрессирующее расстройство.

Как оказалось — не без причин. Я ответил и Эдит, и Атанасии, ещё и Марии, твою мать, и похвастался... что помыл Матильду?

Чего, блять?

Почему я не помню, как проснулся, судя по времени отправки сообщений, посреди ночи, ещё и додумался ответить кому бы то ни было? Что мною двигало?

Как всегда, то лишь вопросы на суд вечности.

Атанасии я ответил подтверждением о сегодняшней сессии.

Перечитывая написанное мною в баре, заметил, что написал не конкретное согласие, а свойственное многим мужчинам: «Могу ли ответить позже?».

С волнением я оставил отправленные Эдит слова напоследок, дабы морально подготовиться к потенциальному позору и стыду:

«Привет, завтра я буду свободен в семь часов вечера, если вы будете где-нибудь в пределах города, я смогу забрать итекер, не нарушая вам каких бы то ни было планов на вечер, и если будет удобно. Тихон.

P.S. Не беспокойся, он был не единственным в моей коллекции».

Гласило моё письмо.

Могло быть и хуже, но, пиздец — зачем так сложносочинённо?

Оно пока осталось без ответа и даже непрочитанным.

Ещё не поздно удалить или изменить его, но... «Важнее и привлекательнее честность», — вспомнил я её слова.

Какое-то время я просто лежал с чувством прикованности к кровати.

Лежал, не думая ни о чём, существуя нигде, где-то отдельно от себя. Место, что темнее самой непроглядной ночи, и в ней я даже не наблюдатель, а просто... просто знаю, что нахожусь в ней.

Снова накат, снова эта боль, кусками сдирающая остатки души.

Способов «решения» у меня всё ещё было в достатке, да и возможности остаются... открытыми.

Я могу покончить со всем прямо сейчас, лишь бы подняться с кровати, лишь бы подняться...

Пушистое облако запрыгнуло ко мне, остановившись разглядеть картину, возникшую перед её взором: лежащего в холодном поту человека с учащённым дыханием, чьи потрясённые и вытаращенные глаза были направлены и к потолку, и в то же время никуда. Словно парализованный в предсмертной агонии и отчаянно цепляющийся за остатки жизни. Только вот, я не цеплялся, а словно подзывал к себе Её, единственную, кто решит все невзгоды самой жизни.

Матильда осторожно подкралась вплотную ко мне и опустила голову на мою грудь.

Её тяжесть вывела меня сначала из оцепенения, затем — выровнялось дыхание. Вернулись ко мне и телесные ощущения, после которых обнаружил под собой насквозь промокшее бельё.

Движения тела вновь под моим контролем, и я смог перевести взгляд на мою спасительницу, неуверенным движением поглаживая её:

— Ты снова меня спасла, булочка, — слабо обратился я к ней. — Я тебя недостоин.

Меня снова охватил зов царства Морфея. Перед тем, как предаться ему, я успел ещё раз подать голос:

— Разбудишь меня, если не проснусь до трёх, хорошо?..

Не дождавшись её ответа, я забвенно провалился в сон.

Что-то нежно кольнуло мою щёку и, мгновенно пробудившись ото сна, я обнаружил перед собой Матильду, чуть отошедшую от моего лица, и она снова принялась разглядывать своими кошачьими миндальками. Мне захотелось улыбнуться ей и поблагодарить за выполненную просьбу:

— Спасибо, — повернувшись на бок, я подтянул её к себе, прижав к телу, и, нащупывая телефон, посмотрел на время: 15:01. Моя педантичность распространилась и на неё. — Не бери с меня пример, — вылетело из моих уст в качестве предостережения.

Вернувшись к телефону, я обнаружил уведомление от Эдит:

«Bonjour, мсье Тихон. Буду рада личной встрече, чтобы вернуть положенную тебе вещь. Благодарю за твою учтивость, но чувствую своим долгом передать на твоих условиях из-за своей невнимательности. Просто напиши удобное тебе место, и я приеду. Эдит».

Что-то неприятное скользнуло на душе. Я ответил следующее:

«Привет, Эдит. Мне очень приятно, что...»

Попроще, Тихон, — остановил себя я, вспоминая собственную манеру письма.

Попроще и дружелюбнее, потому что... Потому что... — всё продолжал я попытки сформировать мысль, подбирая нужные слова, что никак не приходили в голову.

Потому что... мне хочется быть с ней дружелюбным?

Ну, положим:

«Привет, Эдит. Спасибо за твою отзывчивость и готовность вложить своё время на столь незначительное дело. Не хотелось бы стать причиной, по которой тебе придётся жертвовать удовольствием от встречи со своими близкими. Ты меня ничем не обяжешь, если позволишь встретиться там, где будешь к этому часу. Тихон».

Да уж заебись «попроще». И всё равно нажал на кнопку отправки и смирился со своим нереализованным писательским потенциалом. Неисправим.

И кто вообще заканчивает сообщение своим именем? Я ведь вижу перед глазами имя собеседника.

С другой стороны — почему нет. Чем электронное письмо не ценнее рукописного?

И отчего у меня столько неопределённости, особенно перед смертью?

Последний довод стал отрезвляющим для моего сознания и обострившихся чувств.

И правда — смысла не было нисколько, а с кровати необходимо подняться.

Осторожно отодвигая Матильду, я присел на краю кровати, свесив ноги. Никогда не испытывал одновременную вялость и бодрость.

Хват рук стал чуточку крепче, но всё равно, стоило сжать их в кулаки, как снова пробирала дрожь.

Недостаточно окреп.

Итак, надо собраться и отправиться на... А куда мне нужно? — задумался было я.

... Атанасия, точно!

Это ненормально, мне не свойственны провалы в памяти... Неправда, свойственны. Я ведь не помню важные и, возможно, определяющие события в жизни, связанные с именами, датами и... Причём здесь «*Часы Судного дня*»?

Ладно... Просто не обращать внимания, думать о вечном.

Убрав остатки затыжного сна, приведя в порядок и себя, и свою берлогу, я не заметил, как снова оказался за кухонным столом, перед едой, кофе и сигаретой.

Я снова начал пить кофе.

Эдит, ответила ли она?

До меня донеслась музыка, что играла из проигрывателя в комнате.

Под аккомпанементы колонки я начал проверять телефон.

Интуиция не подвела. Сообщение и правда пришло:

«В это время мы выйдем с выставки, что проходит в музее на Остоженке, в восемь часов вечера. Буду ждать встречи. Эдит».

Очерк сопровождал точный адрес упомянутого места. Знакомая мне улица, как и всё, чем определяется наш город.

«До встречи, Эдит. Тихон» — только и ответил я.

Что-то вновь колыхнулось во мне, обратив внимание на рядом расположенные имена.

Не развивать мысль об этом недоразумении.

За окном уже ночь, несмотря на время не относящееся к позднему.

Чувствуется надвигающаяся зима, чей холод пробуждает меня после летаргической спячки. Но я так и не проснулся.

Зимой холод побуждает ценить тепло больше, чем в любое другое время. Именно холод даёт ощущение, даже самому безнадёжному случаю, где ты способен чувствовать хоть что-то. Ну... производные жизни, например.

Так доехал и дошёл до знакомого мне учреждения.

Сигарета — первая дверь — снова никого — снова этот свет, на который я обратил внимание при первом посещении — лифт — коридор — и последняя дверь.

Дверь кабинета, перед которой я забвенно стою, дав волю позывам своих... расстройств.

Если они требуют постоять — я постою, лишь бы не донимали меня в неподходящий для этого момент.

Всё вокруг превратилось в декорацию. Знакомое ощущение.

Крепко зажмурившись, я приложил руку к ближайшей стенке. Нет, она — настоящая, но мозг отказывается верить в это.

Дверь открылась и за ней появилась Атанасия Димитриевна. Обводя оценивающим взглядом представшую перед ней ситуацию, нисколько не удивившись, та начала сессию с порога:

— У Вас так с каждой дверью, Тихон?

— Можно на ты, — сделав глубокий выдох ответил я. — Нет, не с каждой... Или с каждой, уже и не помню.

— Давно стоишь?

— Пару минут... но тянутся так долго, будто стою здесь вечно.

— Проходи, — движением головы пригласила она меня вовнутрь.

Я неопределённо замешкался, собираясь с силами.

— Всего лишь шаг, Тихон, — проницательным тоном подбадривала меня мой вынужденный собеседник. — Пол не обвалится и стены не рухнут.

Как она догадалась, о чём моя озадаченность?

— А если рухнут? — ухмыльнулся я.

— Бывает, — незатейливо заключила она.

— Бывает... — повторил я, смирившись.

Атанасия протянула руку, как человеку, что сорвался со скалы и из последних сил держится за выступ. Приняв её, сцепившись чуть ниже локтя, та деликатно начала подтягивать меня к себе.

Я не заметил, как переступил через порог.

— Ты не один, Тихон. И необязательно проходить через что-либо одному, когда предлагают руку помощи, но взять её или нет — решаешь только ты сам, — многозначительно рассудила, переводя взгляд с меня на руку Атанасия, ловко разомкнув связку.

Не найдя слов, я применил единственный доступный ответ в таких ситуациях — задумчивый многозначительный кивок — всему голова.

— Располагайся. В твоём распоряжении всё то же самое, что мы проговаривали в прошлый раз, — напомнила Атанасия.

Единственным отличием от предыдущего порядка действий перед самим приёмом, стало лишь заблаговременное обеспечение кофе себе и...

— Кофе? — предложил я своему проводнику по психическому здоровью.

— Буду крайне благодарна, Тихон. Капучино, пожалуйста, в кружку, в которую захочешь налить.

Я обвёл глазами имеющуюся коллекцию чашек и остановился на красной.

— Ты любое действие пропускаешь через психологическую призму? — спросил я, неуверенно, но медленно пересекая кабинет с чашками в руках.

— Спасибо тебе, — потянулась она за своим напитком.

Положив на стол свою чашку и заняв место, я выдохнул скопившийся воздух из лёгких. В первый раз смог удержать что-либо в обеих руках с момента первой попытки встречи со Смертью.

На какое-то время воцарилась тишина, нарушаемая лишь постукиванием чашек по столу. Атанасия пристально наблюдала за мной, отчего становилось несколько неловко.

— В прошлый раз ты упомянул, что больше не пьёшь кофе, — нарушила она образовавшийся вакуум. — Что-то изменилось?

— Не знаю, спокойнее сидится с чем-то в руках. Как... привычка, ритуал, когда держишь что-то и чувствуешь... Хоть что-нибудь. Пусть будет кофе, за неимением альтернативы, — пожал плечами я. — ... Хорошо хоть уточнил про чашки, иначе недосказанность могла бы стать изящной двусмысленной подводки для шуток про х... пенисы.

— О, Господи... — она, как будто, разочаровалась. Мной или тем, что раскусил её замысел, лишив возможности для уточнения, подстрекаемой моей же дурной и подростковой фантазии — уж не знаю. — Почему красная? — спросила она, пропустив мой комментарий мимо ушей и постучав пальчиком по чашке, отпивая из неё.

— Эм... Как-то интуитивно получилось, — растерянно ответил я.

Она выжидающе смотрела на меня, рассчитывая на более развёрнутый ответ.

— В пределах кабинета — да, каждое действие имеет значение. Отвечая на твой вопрос, — отметила Атанасия.

— Красный, для меня, цвет жизни. Наверное, и поэтому... — пояснил я чуть погодя, после очередного глотка кофе.

— Очень интересно, — загадочным тоном проворковала Атанасия. — Твой любимый цвет?

— Нет.

— А какой любимый или предпочтительный?

— Слишком личный вопрос, — прервал я начатое донимательство.

— Прискорбно, — протянула она. — Это очень интересная тема.

Она снова впиалась в меня взглядом.

— Есть ли у тебя вопросы ко мне, пока не начался мой «допрос», — возведя в кавычки последнее слово, дружелюбно спросила она меня.

— Да, парочку.

— Начни с предпочтительного.

— Ты начала смотреть «Сопрано»?

— Да, пока на середине первого сезона, — улыбнулась она.

— Что думаешь?

— В зависимости от того, что тебя интересует.

— Эм... похож ли я на Кристофера, племянника Тони?

— Не нашла сходств, извини.

— Правда? — удивился я. — То есть... Я просто ассоциирую себя с тем, кого считаю наиболее похожим на меня?

— Не обязательно, — предположила она. — Возможно, твоя критическая сторона видит в этом персонаже то, что является причиной для проработки характера или личного восприятия: услужливость, но бунтарство; быть на побегушках, но при этом сохранять независимость; создавать образ, но не «быть» самим собой так, как хочется; критицизм, но обидчивость; склонность к аддикциям, но контроль перед авторитетным лицом или обществом — и так далее.

Я не знал, как реагировать на её оценку, и относится ли хоть что-нибудь из сказанного ею по мою душу.

— На тебя не похоже, — видимо, мой вопрос считывался с выражения лица.

— Ты меня знаешь всего час.

— Это не так, во-первых, я, всё-таки, изучала твоё личное дело, а во-вторых, достаточно и нескольких минут, чтобы понять, какой человек сидит перед тобой. Единственное, что объединяет тебя с ним — возраст. Не более.

— И всё?

— Что касается отношения к твоему предположению о схожести — да, а вот психиатрическая структура терапии, показанная в сериале... — задумалась она. Видимо, в поисках подходящих слов. — Скажем так: я бы лишила доктора Мёрфи... Мелфи? Или как там её звали, лицензии, и поинтересовалась бы стоимостью её услуг, чтобы позволить себе кабинет хоть на процент схожий с её обстановкой.

— ... У тебя... посимпатичнее кабинет.

— Ты очень любезен, но спасибо, — улыбнулась она. — Так что... Пока моё мнение таково.

Я кивнул.

— Можем перейти ко второму вопросу? — спросила она весьма тактичным тоном.

— Да, эм... здесь же не картонные стены?

— Нет, не беспокойся, — ответила она, не поведя бровью и, подтянув к себе планшет, начала было набирать на нём что-то. — Не возражаешь? — указала она пальцем на экран устройства.

Я равнодушно пожал плечами:

— Твой кабинет — твои правила... Неужели клинический случай?

— Жизнь человека — уже клинический случай. У каждого свой, — расплывчато произнесла она. — Но меня больше удивила приоритетность твоих вопросов, чем их составляющая.

— Ну, позыв прошёл, а разделить с собеседником что-то общее предоставляется не каждый раз, особенно там, где речь не идёт о неизвестных мне механизмах, ну, конкретно здесь, клинических случаев... По-моему, больше пользы от терапии — говорить, слышать и быть услышанным, чем давать инструкции того, как надо и как не надо, что вредно, а что полезно.

— Интересно... — задумчиво произнесла она. — Ещё вопросы?

— Почему ты так... беспардонно пялишься на меня? — подбирая слова, высказался я в сердцах.

— Я тебя смущаю, тебе дискомфортно?

— Будь я сексуальным маньяком или человеком хотя бы с минимальным либидо, то расценил бы твой взгляд весьма двусмысленно.

— Почему «бы»? — не растерявшись, уточнила Атанасия, оторвавшись от проводимых записей.

— Во-первых, ты профессионал и такого не позволишь, хотя бы по отношению к самой себе, не говоря об этике. Во-вторых, у меня не встанет, о чём ты тоже знаешь, в-третьих... — чуть выдержав паузу, продолжил я свой рассказ. — Без третьих, просто вопрос: ты меня боишься?

— Нет, — решительно отрезала она.

— Тогда о чём этот взгляд? — не унимался я.

Атанасия совсем отложила в сторону планшет и вновь подняла на меня свои пронзительные глаза.

— Как ты сам его объясняешь? — вновь задала она вопрос в качестве ответа.

— Я не знаю. Боишься или очередной психологический приём, неизвестный обычному человеку.

— Любопытно, — с излюбленной фразой откинулась она на диване. — Но ты бы мог предположить в нём сексуальный подтекст?

Я неопределённо молчал.

— Есть причина, по которой у тебя возникли эти чувства, быть может... впечатление или знакомство с кем-либо?

— Откуда...? — не сдержался я опешив от точности в предположении.

Атанасия улыбнулась своей полной доброты улыбкой:

— То, что ты рассказываешь, можно отнести к подавленному сексуальному желанию и проекции.

— Оно не подавлено, его нет, — напомнил я, перебив собеседницу. — Проекция... Да, что-то слышал про это понятие.

— С психологической точки зрения — да, но с физиологической — организм всё ещё следует за позывами в реализации базовых потребностей.

— Единственный позыв, которому тело может следовать, в моём случае — выживание. Не думаю, что ему есть дело до... — с ухмылкой произнёс я, не успев закончить мысль.

— Сексуальное, межличностное, какое угодно естественное влечение, так же — про жизнь, — объясняла она. — Прошу прощения за формулировку следующего вопроса, но, важно его задать.

— Прошу.

— Речь ведь идёт не про эректильную дисфункцию? — с осторожностью спросила она.

Я стал размышлять о природе различий между двумя понятиями, пока Атанасия вновь не опередила меня:

— Эректильная — скорее физиологическая причина, либидо — психическая, — пояснила та.

— Да нет... — неуверенно-уверенно произнёс я. — По утрам вроде встаёт, но... но никакого желания нет. Ни желания, ни влечения к кому-либо. Даже к мастурбации, — прояснил я своё текущее положение в делах пьющих.

Я чуть подавился смешком.

— Что такое? — отвлеклась уже сама Атанасия на мой гогот.

— «Дела пьющих», — покачал я головой, улыбнувшись шире. — Извини, просто мысль всплыла.

Атанасия прикрыла рукой нарастающую улыбку, переходящую в смех.

Я машинально проверил время на запястье.

— Торопишься? — учтивым тоном обратила внимание она на моё движение.

— Пока нет.

— Оно имеет отношение к тому, что мы сейчас обсуждаем?

— Я... Я не знаю, — тут же поменялся я в настроении и в лице.

— Что ты почувствовал сейчас? — наострилась она. — Только не блокируй, дай ему раскрыться. Ты можешь себе позволить сделать это на наших встречах, — наставляла Атанасия. — Столько, сколько потребуется.

Я перевёл на неё взгляд, полный того, чем характеризуется моё волочение по Земле последний год.

— Я... Да не знаю я, — не в силах связать и двух слов, словно замерев при свете фар, силясь я утихомирить возникший ураган в голове. Руку пронзила острая боль, прижав её к себе, дыхание стало ровнее, но накативший меня... Что же это, шок? Пусть будет он — лишь нарастал. Я закрыл глаза.

— Дыши, — тихо донеслось до меня.

— Что? — повернул я голову в сторону голоса.

— Дыши, Тихон, — вновь повторила она. — Медленно, глубоко и размеренно.

Я не смог внять её просьбам, доходящим далёким эхо, продолжая погружаться во тьму, призывающую к себе.

Слышу приближающиеся шаги:

— Я могу взять тебя за руку? — взволнованный голос прозвучал рядом со мной.

Я не смог разомкнуть век, лишь кивнул.

Чувствую, что рядом со мной что-то аккуратно опустилось, обдавая теплом своё присутствие. Мир вокруг снова стал... ненастоящим.

Взяв меня за относительно здоровую руку, очень нежным прикосновением, Атанасия начала, будто, дирижировать ею, направляя на необходимый дыхательный ритм.

Не знаю, какое из действий вернуло меня в реальность: прикосновение или оркестрирование.

Оба. Оба действия, — определил я для себя, в конце концов.

— Спасибо... — спустя некоторое время произнёс я, выровняв дыхание.

Атанасия чуть облокотилась на меня, не отпуская руки.

— Лучше?

— Да, пережил. — ответил я, протирая глаза, лицо и шею от холодного пота и слёз, пытаюсь снять с неё часть бремени, высвобождаясь из-под «терапевтических» объятий. — Много времени прошло?

— Минут десять, — взглянула она на часы впереди себя. — Тебе неудобно? — спросила она, чувствуя попытки отстраниться.

— Скорее, неловко, да и... Не нравится, когда ко мне прикасаются... Да и вынуждать тебя прибегать к тому, что можно решить словами.

— Тихон, — обратилась она ко мне. — Столько, сколько потребуется, — напомнила Атанасия. — Бывает, надо и обнять, и за руку подержать. Телесный контакт — не менее важен, чем слова, сказанных мной и кем-либо ещё... Всё уместно, не беспокойся. Никаких этических принципов мы с тобой не нарушили, а, наоборот, использовали тот арсенал, что подходит наиболее всего человеку, отгородившего себя не то, что от желаний, а от себя самого.

— Наверное...

— Как ты сейчас, что чувствуешь?

— Усталость... тепло... спокойствие. — выдавил я из себя.

— Мне жаль, что подобные вопросы провоцируют подобную реакцию, Тихон, — после небольшой паузы продолжила она. — Часто они тебя преследуют?

— В последнее время — да.

— Как ты их преодолеваешь, поделишься?

— Дышу, хожу. Иногда кто-то может быть рядом и... само присутствие... возвращает обратно, — бездумно произношу я.

— Попробуешь описать мне, что ты почувствовал перед тем, как оно возникло? В нашей ситуации.

Я снова не нашёл подходящих слов, что мог бы сказать вслух.

— Не думай о словах — прислушайся к чувствам, — наводила Атанасия. — Чувства — и есть твой голос, как бы он ни звучал. Не думай «как сказать», попробуй опереться на «что во мне сейчас?».

Не думать. Почувствовать.

— Я... я думаю... Не так. Чувствую то, что больше не могу позволить себе... Фух, как же это сложно.

— Не торопись, — напоминал мой ментор.

Глубоко выдохнув, разум словно расступился перед душой, что не могла донести свой зов.

— Не могу позволить себе чувствовать что-то хорошее, даже несущественную мелочь. Любое доброе начало будто... будто требует платы, за своё проявление. Так было всегда, в моём случае, — шумно испустил я болезненный выдох. — Словно... надо заслужить право на это хорошее... Люди же талдычат об обратном, мол: ничего не надо заслуживать, хорошее не имеет под собой никаких требований, нам оно доступно уже по праву самой жизни, — сглотнул я. — Но ведь сама жизнь доказывает, что всё это — чушь. Надо и заслужить, и пострадать, и лишиться, чтобы, в конце концов, если повезёт, какая-то крупинка достанется и тебе, а получив её, — всегда задаёшь один и тот же вопрос: ради этого? Ради этого вкладывал всё, что только мог дать и предложить? И ладно бы хоть так, жизнь даже и мизерный дар может забрать, — уже не сдерживая слёз продолжал я. — Я... не могу позволить себе испытывать какой-либо интерес, потому что, потому что... словно предаю память о том счастье, что было... А у неё уже нет никакого выбора, а... я ведь дал обещание. Столько обещаний дал, в которые верил, которые хотел и реализовывал с ней, — держался я как мог. — Вина... я виноват в том, что не сделал вовремя от себя зависящее и... за то, что... здесь застрял, и у меня продолжается жизнь, ну... то, что от неё осталось.

Я перевёл дух, чтобы продолжить. Атанасия не проронила ни слова, ни произвела какого-либо движения.

— «Если бы Вы привезли её пораньше». Вот это... паскудное «если бы» — и есть вся моя жизнь. И ладно бы только моя, так оно и на других людей повлияло. И я знаю, слышал уже сто раз, что пока жив сам — могу что-то предпринять и изменить. А я не хочу, не хочу отпускать ответственность за свой выбор и действия. Иначе, что я за человек, не придерживающийся собственных убеждений? Чтобы потом... — протёр я руками взмокшие глаза и лицо. — Чтобы потом мне эти неандертальцы говорили: «А давайте вернёмся в ту ситуацию, что Вы почувствовали тогда?», — с издёвкой передразнил я. — Ну ты совсем ебанулся задавать такие вопросы тому, кто ещё в шоковом состоянии находится? Вернуться для чего? Может, не всё так уж и плохо? — не стеснялся я в выражениях.

Больше я не мог продолжить. С непривычки язык и рот почти онемели, снова потемнело в глазах, как в первые дни бессилия. Пробила дрожь и меня охватил мандраж.

Атанасия, ничего не сказав, достала откуда-то плед и аккуратно укутала меня.

— Даже не спросишь разрешения? — обратился я к ней с неким подобием улыбки.

— Нет, — только и ответила даровавшая мне тепло.

Время остановилось, и я мог прийти в себя, не думая ни о чём.

— Извини, что вывалил всё это на тебя, — начал я виноватым тоном.

— Это твои чувства, Тихон. Твоя душа. Они не могут быть правильными или нет, и уж тем более тем, чего стоит стыдиться и испытывать вину... Особенно в нашем случае.

— ... Хорошо.

— Что чувствуешь сейчас, поделишься?

— Словно марафон пробежал.

— Спорт лечит и душу, и разум, — протянула она многозначительно.

— Если ты не астматик, — добавил я справедливости ради.

— О, Господи... — выдохнула она смиренно. — Помнишь про прошлую рекомендацию? — спросила она несколько позже.

— Дневник?

— Да. Получилось предпринять какие-либо шаги? — вновь обратилась ко мне её профессиональное нутро.

— Я его купил и полчаса сидел за первой страницей. Меняхватило только на название и рисунок... не лучшего качества.

— О чём был рисунок?

— Ни о чём, просто абстракция.

— Есть желание поделиться им в следующий раз?

— Спроси в следующий раз, пожалуйста.

Молчание в этот раз воспринималось более непринуждённо и естественно.

— Мне тепло и спокойно — отвечая на твой вопрос.

— Чувство дискомфорта отступило? Стало менее выраженным?

— Смотря что считать под дискомфортом, — заключил я. — Занятный ты специалист, конечно. То «горячо», то «холодно».

— Потому что позволяю задавать важные вопросы, о которых переживает клиент?.. Скажем, обсуждая мы «дела пиписькины», тебе было куда более комфортно, чем сейчас? — добродушно подметила Атанасия.

— Писькиных, — поправил я рекомендательно. — Нет. Мне не кажется, что есть какая-то градация между одним и другим — важно ведь всё.

— Это уже прогресс.

— Иначе я бы так и молчал.

— И это обнадеживает, — смиренно проговорила она. — Идти куда страшно, чтобы он не управлял тобой.

Молчание — лучший ответ в данном случае.

— Куда отправишься сейчас, есть возможность и желание рассказать? — спросила она спустя мгновение.

— Туда, куда тянет, но... мне от этого... всё то, о чём говорил, в общем-то.

— Тихон, — серьёзно обратилась она ко мне, вернувшись на своё место. — Не думай о том, что пытается донести тебе разум, — продолжила она после моих размышлений. — Он защищает тебя от боли, но это не значит, что его дело правое. Там, где говорит душа — дай ей слово; там, где ты хочешь чувствовать — позволь этому случиться. Ты слишком много думаешь — и это хорошо, но, когда возникает противоречие между «могу» и «хочу», в какой-то момент ты перестанешь и мочь, и хотеть, — призывала она меня. — Баланс. Попробуй найти баланс, и они оба станут дополнять друг друга там, где необходимо. Не сразу, но в этом и суть: дать время и себе, и им. Ты не должен испытывать вину за то, что сделал всё, что мог на тот момент. Время — наш худший и лучший критик. Оно всегда найдёт решение лучше, чем позволил себе в моменте происходящего.

— Я мог сделать больше, я мог это сделать... — не сдавался я.

— И ты сделал, — стояла на своём психиатр. — Да, хорошего в жизни мало, счастья — и то не всем доступно. Речь не о том, чтобы достигнуть чего-либо, а просто... позволить себе жить. Не ради, не вопреки, а просто жить. Не торопись туда, где все мы окажемся в любом случае, даже если там всё, что мы любим. Успеешь.

Золотом овсян кабинет, что тишина ведёт за собой.

Или я просто устал от мыслей о молчании, а замурённые слова и слышатся иначе и свежее.

— Ты взаимодействуешь с кем-либо ещё, помимо наших встреч?

— Эм, коллеги пишут время от времени, кошка и даже фельдшер, что откачивала меня... Переживает за неё ещё с первой встречи, — перечислял я безучастно, не заметив, что ляпнул лишнего.

— При первой встрече? — переспросила Атанасия, подняв на меня осуждающий взгляд. — Было несколько?

— Атанасия, прошу... Я ведь живой, — сразу пресёк нарастающий спор. — Обменялись номерами, так как ей стало больно от того, что Матильда может остаться одна, случись что-нибудь. Вот и пишет время от времени.

— Может, это просто повод поинтересоваться тобой. Не думал об этом? — снисходительно предположила она.

— Думал, но я не настолько высокого мнения о себе, — вяло улыбнулся я.

Атанасия сложила ладони.

— Ну и дурак, — подытожила она, поднимаясь с кресла, сложив плед и захватив кружки, направляясь к раковине.

— Как непрофессионально, Атанасия Димитриевна, ещё и к оценочному суждению прибегать, — нарочито порицал я.

— Можешь направить жалобу моему начальству, — отмахнулась она. — Здесь тебе не «Сопрано».

— Могу уборной воспользоваться? Приведу себя в порядок.

— Нет. Запрещаю писать и какать, — ей, видимо, надо было во что-то отвести душу. — Не спрашивай — смело проходи, куда нужно.

Медленно поднявшись и выдохнув, я, с вялой опорой в ногах, закрыл за собой дверь в уборной. Чего там только не было, начиная от кремов заканчивая женскими принадлежностями и... контрацептивами?

Покончив с умывальными процедурами, не пожалев крема, я, освежившись и придя в себя уже более основательно, вернулся в кабинет. Атанасия ожидала на своём, устремив внимание на планшет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.